

Нурсолтан

главы из романа

8

ЧАСТЬ I

Глава 6

В этот летний день природа раздражалась нудным бесконечным дождём. Казанцы, высыпавшие на улицы столицы, чтобы встретить солтанских невест, вымокли до нитки. Не менее жалкое зрелище представляли собой и казанские вельможи. Их роскошные одежды потемнели под струями дождя, а пышные перья на чалмах и тюрбанах потеряли свои воздушные очертания. Хан Махмуд в эту отвратительную погоду ждал невест сыновей, но его постигло разочарование. Девушка, предназначенная в жёны наследнику, в дороге тяжело заболела, и слуги вынесли её из кошёвы на руках.

Переодевшись во всё сухое, раздражённый хан ожидал у себя Шептяк-бека с докладом и объяснениями. И Шептяк-бек не заставил себя ждать. Хан Махмуд грозно взглянул на советника и вынужден был признать, тот не выглядел виноватым, держался с достоинством, словно выполнил данное ему поручение блестяще. Хан движением руки прервал приветственную речь.

– Я ждал вас, бек, я надеялся на вас. Ваше последнее письмо вселило в моё сердце радость – вы написали, что везёте в жёны для наследника именно такую девушку, какую хотел видеть рядом с ним я. И что же я вижу? Не прошло

и полгода, как солтан Халиль потерял жену, теперь вы привозите ему девушку, над которой уже нависло дыхание смерти. Вы словно желаете, чтобы солтан почувствовал себя самым несчастным человеком на земле. Вы на корню губите все усилия, какие я прилагаю к тому, чтобы мой наследник окреп духом. Что можете сказать в своё оправдание, прежде чем я назначу наказание?

– О властитель, дающий нам благоденствие. – Шептяк-бек с достоинством склонился перед своим повелителем. – Если вы считаете, что я не справился с поручением, то приму любое наказание из ваших рук. Но молю вас, не топчитесь скидывать со счетов девушку, которую я привёз для солтана Халиля! Вы должны встретиться с ней, должны поговорить, она может стать лучшей женой нашего наследника, она создана для него! Виню себя лишь в том, что Нурсолтан заболела в дороге. Когда мы выехали из улуса мурзабека, она показалась мне бледной и слабой. Но няньки успокоили меня, уверили, что госпожа всегда отличалась завидным здоровьем, а её печаль связана с отъездом из родного улуса.

Хан Махмуд слушал бека и в задумчивости крутил в руках маленькую шкатулку из сандалового дерева. В ней

И в самом деле, казанский писатель Ольга Иванова – это новое имя в литературной жизни республики. Новое и уникальное. Уникальность её в том, что она – автор доброго десятка неопубликованных романов.

Три романа из них – исторические и составляют трилогию «Повелительницы Казани» – о Нурсолтан, Гаухаршад и Сююмбике. Выпустить в свет Ольга смогла только одну книгу из трилогии и то – за свой счёт (подробнее о жизни, творчестве и проблемах писательницы читайте в интервью-послесловии). А сейчас предлагаем нашему читателю вкушать дух исторической трилогии – прочесть отрывок из романа «Нурсолтан». Для отрывка выбран момент, когда дочери ногайского мурзабека Нурсолтан и Шахназ прибывают в Казань. Их обеих выбрали в невесты сыновьям казанского хана. Но судьба на жизненном пути таит крутые повороты...

лежали бесценные розовые жемчужины из сокровищницы хана Тохтамышша. Жемчужинами этими некогда владел его отец – великий хан Улу-Мухаммад. Теперь, в свою очередь, хан Махмуд приготовил их в дар невесте своего наследника.

– Значит, вы уверены, что девушка не покинет этот мир раньше положенного времени и по истечении срока родит моему сыну крепких детей?

– Да, мой господин, – твёрдо отвечал Шептяк-бек. – Я не вижу причин сомневаться в этом.

– Хорошо, я подожду, когда бике станет лучше и навещу её. Но говорить с вами стану только тогда, когда невеста моего сына поправится. До той поры не попадайтесь мне на глаза. Иногда я бываю несправедлив в своём гневе, а потому советую вам отдохнуть в своём улусе...

Прошло три дня, а Нурсолтан не ста-

новились лучше. Исхудавшая, безразличная ко всему, она лежала в отведённых для неё дворцовых покоях, и ничто, казалось, не могло заставить её бороться за свою жизнь. День клонился к закату, когда больную навестила Шахназ. Сестра Нурсолтан готовилась к брачной церемонии и была полна впечатлений. При виде задорного личика девушки, её живых раскосых глаз, лицо Нурсолтан осветила слабая улыбка.

– Шахназ, дорогая моя, ты единственный человек, кого мне ещё хочется видеть на этом свете.

– Вот ещё! – фыркнула Шахназ. – Думаешь, я поверила тебе?

Оглянувшись на служанок, которые были увлечены приготовлением травяного отвара, Шахназ склонилась ближе, к лицу сестры.

– Мне ли не знать, кого ты хочешь увидеть сейчас больше всего на свете. Если сейчас один джигит, известный

нам двоим, явился бы вдруг, ты заговорила бы стихами.

Девушка шаловливо вскинула голову и, заломив руки, громко продекламировала:

Погодите, вы мне на прощанье
даруйте хоть взгляд!
Им утешится сердце, в разлуке вкусившее яд.
Но когда вам для этого надо немного усилий,
Не насилуйте душу,
уж лучше погибну стократ¹.

– О Шахназ! – Слезы потекли из кажущихся огромными на похудевшем личике синих глаз Нурсолтан. – Не мучь меня.

– Не мучить тебя? Ну уж нет, не дождёшься! Ты, видно, и в самом деле вздумала умереть из-за своего Менгли. О Аллах, да я лучше отгрызу себе палец, чем буду так страдать из-за мужчины, пусть они страдают из-за меня!

– Шахназ, но я ничего не могу с собой поделывать, я... я не могу жить без него, сестрёнка. Хорошо, что тебя пустили ко мне, теперь есть, кому передать последнюю просьбу.

– Последнюю просьбу?! – Шахназ так хлопнула себя по бёдрам, что все служанки удивлённо обернулись. – Аллах пусть отвратит худшее! Неужели ты думаешь, что я позволю тебе умереть?! Да я переверну весь этот город, а если понадобится, весь мир, но не позволю тебе покинуть меня!

Она обернулась, строго взглянув на раскрывших рот невольниц:

– Чего уставились, глупые коровы, занимайтесь своим делом, или я вас отправлю на выпас!

И, повернувшись к Нурсолтан, добавила:

– А теперь говори свою просьбу, дай мне сполна насладиться человеческой глупостью.

– Но это не глупость, Шахназ. – Нурсолтан вытянула из-под покрывала тонкую руку, дрожащая холодная ладонь её легла на руку сестры. – Умоляю тебя,

принеси бумагу и калям². Напишу письмо, а когда меня не станет, ты отправишь его в Крым...

– Письмо в Крым... так вот в чём всё дело!

Задумчивый мужской голос, произнёсший эти слова, заставил вздрогнуть Нурсолтан и подскочить со своего места Шахназ. Перед девушками стоял хан Махмуд.

Нурсолтан, в отличие от Шахназ, впервые видела в лицо казанского господина, по повелению которого она оказалась здесь. И если в тайниках своей души она и досадовала на этого человека, сломавшего её жизнь своим решением женить наследника на ней, то сейчас, увидев его перед собой, почувствовала внезапное спокойствие. Хан Махмуд был гораздо старше её отца, благородная седина сплошь покрывала его бородку, и как он не пытался прямо держать спину, от глаз Нурсолтан не ускользнуло: человек, стоявший перед ней, устал от жизни и борьбы за неё. О том говорили и скорбные морщины на лбу, и печально опущенные плечи, и утомлённые глаза. Но в этих глазах, кроме утомления и усталости, она разглядела простое человеческое сочувствие. Не глядя на оторопевшую Шахназ, ожидавшую грозную бурю, хан подал знак рукой:

– Оставьте нас наедине.

В тот же миг служанки и Шахназ исчезли. А хан опустился в канафэ³, придвинутое к ложу больной. Несколько минут он молча разглядывал лежавшую перед ним девушку.

– Вот ты какая, дочь Тимера, – в задумчивости, словно разговаривая сам с собой, произнёс хан. – Хоть сейчас я застал тебя не в лучшее время, но должен признать, и за свою долгую жизнь я не встречал девушки красивей. А теперь ты пожелаешь попрощаться с жизнью и написать письмо в Крым. О само-

² Калям – палочка для написания. Обычно делалась из тростника или пера птицы.

³ Канафэ – кресло, широкое сидение со спинкой.

¹ «Тысяча и одна ночь».

надеянная юность, как ты прекрасна и смешна!

– Но мой госпо... – начала Нурсолтан и осеклась под взглядом мудрых, всё понимающих глаз хана.

– Ничего не говори, доченька, всей правды ты не скажешь, а лжи мне не нужно. А если и скажешь, зачем мне твоя правда? Ты решила умереть, чтобы не нести дальше груз, что дал тебе Всевышний. Как же это просто покончить со всеми бедами одним махом, это очень легко, юная моя! Гораздо сложнее выжить, подняться навстречу жизни, как бы больно она не была. Наш небесный повелитель указал тебе твой путь, он привёл тебя сюда, на берега могучего Итиля¹, потому что он, наш мудрый Учитель, видит гораздо дальше, чем мы – его ничтожные рабы. Каждый из нас пришёл в этот мир, чтобы принести в него своё семя, чтобы жить до того момента, пока нам позволяет Всевышний. Дитя моё, тебе сейчас больно и тоскливо, ты стремишься в сады Аллаха, потому что там хочешь найти успокоения для своей души, но ты совершаешь ошибку, не будет там покоя. Всевышний направил тебя сюда, чтобы ты помогла человеку, который нуждается в тебе. Нелегко будет это сделать, но в этой борьбе острота твоей боли покинет тебя. Подумай о моих словах, девочка, разберись в своих страхах и бедах. Так ли они огромны, чтобы боясь их, ты бежала из этого мира?

Нурсолтан молчала, с удивлением смотря на казанского хана. Она знала его всего несколько минут, но ни с одним человеком рядом не ощущала такого твёрдого надёжного спокойствия, воцарившегося вдруг в душе.

– Этот человек, о котором вы говорили, тот, которому я нужна. Кто он?

– Это – мой сын Халиль. Это, Нурсолтан, твой будущий муж.

Хан коснулся старческой узловатой ладонью лица юной бики, словно оставившая её протестующий жест.

– Не спеши, не спеши отринуть

его, дитя. Ты должна увидеть Халиля, должна познакомиться с ним, и тогда поймёшь всё, о чём я говорил. Ты достаточно умна, я чувствую это, а иначе и не говорил бы с тобой. Как только ты почувствуешь в себе силы принять моего сына, дай мне знать, и я всё устрою.

Хан поднялся, тяжело опираясь на резные подлокотники.

– Только не затягивай со своим решением, дочка. Я боюсь, что у меня слишком мало времени, силы оставляют меня. Боюсь, что уйду в мир иной, так и не докончив своих земных дел. Близок день, когда я скажу: «Удел распределён, и срок установлен, и всякое дыхание должно испить чашу смерти...» Но это слова старика, который видит конец своего пути, а не твои слова. Выздоровливай, дитя моё!

Хан кивнул головой, прощаясь, и вышел.

Глава 7

Солтан Менгли-Гирей второй день следовал по степи с небольшим отрядом воинов. Временами ему казалось, что невидимые крылья несут его к улусу мурзабека Тимера, где крымского солтана ждала прекрасная Нурсолтан. Менгли-Гирей чувствовал себя необыкновенно счастливым. Всё в его жизни складывалось удачно. Битва между войском хана Большой Орды Кичи-Мухаммада и войском крымского хана Хаджи-Гирея, произошедшая в трёх днях пути от улуса мурзабека Тимера на реке Дон, закончилась полной победой крымцев². Хан Хаджи-Гирей взял богатую добычу и весь гарем Кичи-Мухаммада. В ставке крымского хана, раскинутой на месте битвы, во время шумного пира Менгли-Гирей обратился к отцу с просьбой о женитьбе.

² Событие произошло предположительно в августе 1465 года. Сведения об этом отражены в русских летописях и в хронике посланца папы Павла II, прибывших ко двору Хаджи-Гирея 10.09.1465 года. Во время их приёма было сообщено о победе, произошедшей несколько дней назад.

¹ Итиль – Волга.

– Ещё одна жена? – хан Хаджи-Гирей снисходительно усмехнулся. – Мой мальчик, не много ли сил ты тратишь на женщин? У тебя уже есть две жены.

– И обе ждут прибавления, – пытаюсь всё свести в шутку, засмеялся солтан. – А мне опять нужна женщина!

– Для этого не обязательно жениться, хочешь, – хан щедрой рукой обвёл сгрудившийся в стороне гарем. – Здесь жёны и наложницы Кичи-Мухаммада, бери себе любую! В этой битве ты показал себя настоящим воином, я доволен тобой, сын, а чтобы воин по-настоящему почувствовал вкус победы, он должен отвести добычи. Верно я говорю?!

Вокруг одобрительно зашумели нойоны и тысячники, предающиеся пиршественному веселью:

– Живи тысячу лет, великий хан!

– Каждое твоё слово – драгоценный камень, а повеления веселят душу, и сабли наши пляшут в ножнах!

– Приказывай, благородный хан, правь нами!

Хаджи-Гирей поднялся с широкого походного трона, обложенного шёлковыми подушками, приблизился к замершим женщинам. Его верные соратники по битвам, предчувствуя развлечение, придвинулись поближе. Крымский хан схватил за руку и выдернул из толпы женщин гибкую девушку, почти девочку, с расширенными от страха глазами. Юное создание дрожало в своих ярких одеждах, пытаюсь прикрыться расшитым золотыми нитями покрывалом.

– Как зовут? – спросил хан, приподняв заострённый подбородок девушки своими крепкими пальцами, усеянными массивными перстнями.

Губы девушки затряслись, и она едва сумела совладать с собой:

– Зилия, мой господин.

– Ты посещала ложе своего господина, этого сына трусливого шакала?

Она поспешно затрясла головой:

– Нет, мой господин, я прибыла в гарем хана недавно. Я ещё не получала приглашения от господина.

– Вот и бери её! – Хан Хаджи-Гирей толкнул девушку к сыну.

Поманив его пальцем, шепнул на ухо:

– Поверь, сын, они все одинаковы, что дочери ханов, что простые невольницы. Если тебе нужна женщина, для этого не обязательно жениться. Ну, а не нравится, бери любую другую из этих красавиц. Ни одна не откажется согреть ночи такого джигита, как ты!

И крикнул громко, чтобы слышали все:

– О мои отважные воины, закалённые в битвах и сильные своим единением! Я дарю вам женщин побеждённого врага нашего! И желаю, чтобы воины мои превратили животы красавиц в ложе для своего отдыха!

Хмельной смех и гул оживления пронесли над станом. Хаджи-Гирей обернулся к сыну:

– Так ты доволен моим даром, отважный солтан?

– Я благодарен вам, отец, за подарок, но мне нужна не просто женщина...

– Менгли невольно смутился, не зная, какие слова подобрать, как объяснить свою любовь. – Я хочу жениться, отец, хочу взять в жёны дочь мангытского мурзабека Тимера – Нурсолтан.

– Вот как! – Отец озадаченно взглянул на него. – Дочь человека, который даже не пожелал помочь нам в нашей славной битве, который не захотел разделить с нами блистательную победу?

– Но он, великий хан, не стал помогать и Кичи-Мухаммеду!

– Как горячо ты его защищаешь! – Хан Хаджи-Гирей с внезапным добродушием рассмеялся. – Значит, тебе понадобилось жениться, и только на дочери мурзабека Тимера? Вот значит как!

Менгли-Гирей замер, умоляюще заглядывая в глаза отца. Хан покачал головой:

– Я боялся этого, мой сын. Боялся, что когда-нибудь ты полюбишь женщину. Только любовь к женщине делает воина слабым, но я вижу, здесь уже ничего не поделаешь. И самое верное средство, чтобы потушить этот огонь в твоих глазах, женить тебя на той, что приворожила моего сына. Ворчливая

жена под боком, жалующаяся на своих соперниц, убивает любовь в сердце мужчины быстрее, чем неизведанная женщина, которой ты будешь грезить всю жизнь. Можешь хоть завтра отправляться в улус мурзабека! Только захвати подарки пороскошной! Сын крымского владыки, победителя хана Большой Орды, может позволить себе посвататься к любой девушке!

И вот уже до улуса мурзабека остаётся день пути. Всего лишь один день, и он увидит Нурсолтан, заглянет в её незабываемые глаза и скажет: «Я пришёл за тобой, Нурсолтан, как и обещал!» От этих мыслей, тёплой волной разлившихся в груди, стало ещё радостней. Менгли-Гирей хлестнул скакуна камчой, оставил далеко позади своих нукеров. Вперёд! Он должен как можно быстрее достигнуть стойбища мурзабека, он хочет увидеть Нурсолтан, ведь каждый час разлуки с ней тянется, как вечность!

Да, только, что это впереди? Менгли-Гирей замедлил бешеный бег скакуна. По иссохшей от летнего солнца степи, поднимая клубы пыли, навстречу ему мчался отряд. Солтан оглянулся, его воины были ещё далёко, а здесь, в степи, где можно встретить как друга, так и врага, лучше оказаться во главе хорошо вооружённых воинов, а не одиноким всадником. Менгли-Гирей остановил коня.

Его нукеры на взмыленных скакунах поравнялись с ним, когда в мчавшемся навстречу отряду уже можно было разглядеть отдельных всадников. Самый зоркий из воинов, ездивший с ним в улус мурзабека Тимера в прошлый раз, привстал на стременах и выкрикнул:

– Мой господин, я вижу мурзу Хусаина, с ним люди из его улуса.

Менгли-Гирей и сам уже видел, что впереди отряда едет его друг – мурза Хусаин, брат Нурсолтан. Мурза и солтан спешили и обнялись.

– Привет и благословение молодому господину! Я очень рад видеть вас живым и здоровым, мой друг! – Мурза Хусаин похлопал крымского солтана по плечу. – До нас долетели вести о ва-

шей победе, я и не сомневался в вашем успехе. Разве можно было в этом сомневаться, если на битву вышел мой друг?

– Ты, как всегда, шутишь, Хусаин! Присядем, – улыбаясь, солтан устроился на расстеленной воинами кошме. – Рассказывай, что нового в вашем улусе?

– Что нового? Скоро осень! – Мурза Хусаин обвёл рукой степь, расстилавшуюся до самого горизонта. – Табуны и отары съели почти весь корм, отец послал меня проверить дальние пастбища, скоро начнётся кочёвка.

– Значит, я ещё застану улус на старом месте.

– Конечно, застанешь, Менгли, если не будешь тут рассиживаться со мной! – Весело рассмеялся Хусаин. – Правда, застанешь в улусе не всех.

– Там не будет тебя, – поддерживая шуточный настрой разговора, засмеялся Менгли-Гирей.

– Меня там, конечно, не будет, и ещё не будет моей смешливой сестрёнки Шахназ, и маленькой Нурсолтан.

– Нурсолтан? – Менгли почувствовал, как внезапно, словно жёсткой удавкой, перехватило горло.

С трудом вытолкнул из себя слова:

– Где Нурсолтан? Что с ней?

– Она далеко, мой друг. Сестрёнки уже второй месяц в Казани. Ты знаешь, Нурсолтан стала женой наследника казанского хана. Моя сестрёнка будет казанской ханум, она достойна такой чести!... Что с тобой, Менгли? Менгли!

Хусаин безмолвно уставился на рванувшего ставший вдруг тесным камзол крымского солтана, на его бледное несчастное лицо. Золотые застёжки с рубинами как простые камешки посыпались на кошму, из-за пазухи выпал бархатный кошель, расшитый жемчужинами. Как безумный, солтан уставился на него. Непослушными пальцами развязал тесьму, высыпал прямо на увядшую траву красивое ожерелье с огранёнными в сканые бляхи сапфирами.

– Это я вёз для неё... подбирал сапфиры к её глазам. – Голос солтана был хриплым и неузнаваемым. – Как же это

случилось, друг Хусаин? Как же это случилось?!

Глава 8

Нурсолтан со всеми удобствами устроилась в круглой уютной беседке, которую обнаружила в самом конце аллеи ханского сада. Конец лета наполнил пышным и буйным цветением этот уголок природы, отгороженный от всего мира. Именно этого сейчас и хотелось юной бике, покинувшей, наконец, своё ложе. Ей хотелось в полном уединении от дворцовой суеты встретиться со своим будущим мужем – солтаном Халилем. Она знала, этого шага от неё долго и терпеливо ожидал старый хан, и ей не хотелось обмануть надежды угасающего правителя.

Молодой солтан не заставил себя долго ждать, вскоре появился на дорожке сада. С внутренним напряжением вглядывалась Нурсолтан в приближавшегося солтана. Наследник казанского хана был худощав и невысок, отчего казался гораздо моложе своих лет, он скорее напоминал нескладного подростка, чем двадцатипятилетнего мужчину. У молодого солтана были печальные и усталые глаза, напомнившие ей глаза хана-отца. И вёл он себя так робко, что сердце Нурсолтан дрогнуло, она поняла, перед ней всего лишь ребёнок, нуждающийся в защите и материнской любви.

Халиль замедлил шаг и остановился, так и не дойдя до скамьи. И Нурсолтан вдруг смутилась, опомнившись, что она без всякого стеснения разглядывает своего жениха, забыв о правилах этикета.

Она поднялась со скамьи и изящно склонилась перед своим будущим господином:

– Я приветствую вас, мой повелитель.

– Не нужно! – Он поспешно шагнул ей навстречу, взял за плечи, не позволяя склониться в более глубоком поклоне, как того требовал строгий обычай. – Вы ещё очень слабы, у вас может за-

кружиться голова. Я знаю, как бывает нехорошо, когда человек много дней находится в постели.

У Нурсолтан и в самом деле заложило уши и зашумело в голове. Она позволила солтану усадить её на скамью и заботливо запахнуть в шёлковую зелёную шаль. Тонкое покрывало, закрывавшее нижнюю половину лица, показало бике плотную дерюгу, сквозь которую невозможно дышать, и непроизвольным движением она нетерпеливо откинула его в сторону. Пахнувший в лицо свежий ветерок, отчётливо донёсший до неё благоуханную волну аромата цветущих роз, заставил её в блаженстве откинуть голову на высокую спинку скамьи, прикрыть глаза и жадно вдохнуть живительный воздух.

Очнувшись она не сразу, распахнула глаза, с тревогой вглядываясь в замершего перед ней солтана. Что подумал о ней её будущий супруг? О, как она неосторожна! Жёны хана Махмуда, навещающие её во время болезни, неустанно обучали хорошим манерам: «Девушка не должна открывать своего лица перед мужчиной, даже если он её будущий муж!» Она должна была навсегда забыть о вольных нравах, царящих в степи, где суровая жизнь позволяла относиться к подобным условиям свободно. Нурсолтан поспешно ухватилась за край покрывала:

– Простите...

И тут же почувствовала его горячие пальцы на своей руке.

– Нурсолтан.

Она с обречённостью подняла свой взгляд: «О Аллах, всё как всегда! Сейчас он будет говорить ей о том, как она прекрасна, что он сражён ею и не может жить без её красоты, что один взгляд на неё породил тысячу вздохов... Но почему?! Почему её внешность вызывала во всех мужчинах неумёмную страсть и желание обладать ею во что бы то ни стало?!»

– Нурсолтан, если вам тяжело дышать, то не закрывайтесь. Здесь никого нет, и никто не увидит, что вы нарушили обычай.

Халиль отпустил её руку, и она невольно подчинилась, оставив лицо открытым. Солтан устроился на скамье напротив, но, избегая глядеть в лицо своей невесты, перевёл взор на цветущие розы.

– Как вы могли догадаться, что эта беседа – самое любимое мной место во всём нашем дворце? – И, не дожидаясь её ответа, продолжал, словно ведя неспешную беседу сам с собой: – Мы бывали здесь часто с моей покойной женой. В последние месяцы она совсем ослабла, а ей очень хотелось дожить до лета и увидеть, как зацветает наш любимый розовый куст. Розы зацвели, но мы любимся ими уже без неё. И печаль в моём сердце так сильна.

Нурсолтан еле слышно вздохнула, но даже этот звук, долетевший до солтана, вдруг смутил его:

– Простите, Нурсолтан, я веду себя глупо. Сиду рядом с вами и говорю о другой. Простите, но я совсем не умею разговаривать с женщинами. Как глупо!

В досаде на себя солтан решительно поднялся со скамьи, желая немедленно удалиться. Нурсолтан с трудом уговорила его остаться. И они проговорили до обеда, совсем забыв о времени.

С улыбкой выслушивала Нурсолтан поэтические строфы, написанные самим солтаном и посвящённые его жене, отцу, любимому городу. Она видела, как он оживает и загорается под её внимательным взглядом, с какой жадностью вслушивается в ответные речи. Он был словно большой ребёнок, но ребёнок с чистой, тонко чувствовавшей душой. И когда настало время намаза и будущим супругам пришлось расстаться, Нурсолтан испытала чувство лёгкой досады.

– Я в жизни не видела дня благословеннее этого, – прошептала она. – Мы не знаем всего, что начертано Аллахом на покрывале нашей судьбы, когда противимся его мудрым решениям.

Засыпая этой ночью в своей постели, Нурсолтан с изумлением думала: «Сегодня я уже не желаю умереть с такой безудержной силой. И уже не проклиная судьбу, толкнувшую меня в

объятия нелюбимого. Моя боль уже не так сильна, и образ Менгли, о котором я молю Всевышнего все эти дни, меркнет в тумане забвения».

Наутро ханские табибы, осмотрев Нурсолтан, нашли, что она вполне здорова, и хан Махмуд назначил день бракосочетания. Шахназ, которая сочеталась браком с солтаном Ибрагимом месяц назад, было позволено навестить невесту наследника. Нурсолтан встрече с сестрой обрадовалась, а Шахназ с порога затараторила о новостях, которых у той накопилось более чем достаточно. Вторая жена солтана Ибрагима выглядела вполне довольной жизнью. По её словам, муж был внимателен и ласков с ней. А сопернице Фатиме-солтан, до того бывшей единственной женой Ибрагима, Шахназ не дала спуска с первых же дней.

Слушая, как сестра расписывает свои победы над старшей женой солтана, Нурсолтан улыбалась. Её Шахназ совсем не изменилась, казалось, никакими переменами нельзя было погасить боевой пыл, горевший в этом черноглазом создании Всевышнего.

– Она считает, что имеет все права на Ибрагима, потому что родила ему сына и ожидает второго ребёнка. Мне ничего не стоит принести моему господину хоть десять сыновей, я очень крепкая и никогда не болела! Кендек-эби¹ запретила Фатиме посещать хана в ночные часы, потому что это может повредить ребёнку, и Ибрагим все ночи проводит со мной! – Шахназ довольно хихикнула. – О Нурсолтан, я была бы с ним вполне счастлива, если бы у него были такие же синие глаза, как у Хусаина, и будь он так же красив.

Упоминание о своей детской любви вдруг разом испортило задорное настроение Шахназ. С глубоким вздохом она уселась на скамью, оглядывая ханский сад, по которому они прогуливались с Нурсолтан.

– А ты вспоминаешь о Менгли?

– Шахназ! – Нурсолтан с тревогой

¹ Кендек-эби – повивальная бабка.

огляделась. – Ты ведёшь себя так беспечно. Последний раз, когда мы говорили о нём, наши речи услышал сам хан. Мне не хотелось бы, чтобы ему донесли, что невеста наследника вздыхает о посторонних мужчинах.

– А ты о нём, конечно, не вздыхаешь, – с сарказмом произнесла Шахназ. – Должно быть, ты увлечена своим будущим мужем! Представляю тебя влюблённой в наследника Халилия! Мой муж говорит, что Халилию следовало родиться девчонкой, надеть на него платье и драгоценности...

– Прекрати, Шахназ! – рассердилась Нурсолтан. – Какие глупости ты повторяешь. Должно быть, твой супруг просто завидует солтану Халилию, ведь хан выбрал в наследники не его!

– О-о!!! Что я слышу! – Шахназ даже подскочила на скамье. – Да, ты, похоже, и в самом деле влюбилась в своего Халилия! Как горячо ты защищаешь его, ещё немного и ты расцарапала бы мне лицо.

– Оставь свои шутки, – Нурсолтан откинулась на спинку скамьи. – Солтан Халиль – достойный человек. Он мне нравится, но я боюсь. – Она замолчала, почувствовав, как внезапно задрожали губы, перед тем как вымолвить имя, которое она запрещала произносить себе уже много дней. – Я боюсь, что Менгли мне не забыть никогда.

Нурсолтан задумалась, не обращая внимания на Шахназ, которая, как всегда, легко перепорхнув на другую тему, принялась увлечённо расписывать подарки, которыми одаривал её Ибрагим. «Да, старый хан был прав, – думала она, – боль почти ушла. Я уже не чувствую её острых шипов. Но как печально, как тоскливо становится на душе, когда возникает передо мной твоё лицо, Менгли. А помнишь ли ты обо мне, вспоминаешь ли тот солнечный день на берегу Яика?» Нурсолтан провела рукой по лицу, словно отгоняя запретные видения, от которых начинало шуметь в голове, и глаза застилал туман. «Я запрещаю себе думать о тебе, Менгли! Оставь меня, уйди из моих снов! Через два дня я ста-

ну женой Халилия. Я отдам ему всю себя, потому что половины он не примет, он почувствует любую фальшь и замкнётся в своей раковине, как одинокий отшельник. А я не должна ему позволять этого. Я не подведу хана Махмуда, я не подведу Землю Казанскую, которая ждёт верного шага от меня. Я клянусь перед Аллахом Всевидящим, что буду хорошей женой солтану Халилию и не нарушу своей клятвы, Менгли! Уходи, я прошу, уходи!» Она не почувствовала, как одинокие слёзы, одна за другой, покатались по её щеке. Нурсолтан так и сидела безмолвно, словно издалека слыша беззаботный щебет Шахназ.

Глава 9

– О всемилостивый Аллах, что же могло случиться?

Нурсолтан с недоумением разглядывала осколки тонкой фарфоровой чаши, которую только что разбила. По рассеянности она поставила её мимо низкого резного столика, и осколки жалобно звякнули под её ногами. Нурсолтан сцепила пальцы на груди, пытаясь унять бешеный стук сердца. Сегодня с утра её одолевало тревожное чувство какой-то страшной неотвратимой беды. Она пыталась заниматься обычными делами, но всё валилось из рук. Когда приступы тревоги одолели её, она послала невольниц узнать о здоровье солтана Халилия и самого хана. Невольницы возвратились с утешительными вестями: и хан, и его наследник были здоровы и целый день в приёмной казанского господина занимались государственными делами.

Только сейчас она вдруг явственно поняла: что-то случилось у Шахназ, она нужна сестре, это она всё утро призывает её к себе. Обе сестры проживали в пределах Казанского Кремля, но виделись редко. Строгий дворцовый этикет предусматривал целый ряд церемоний, прежде чем супруга солтана Ибрагима, проживавшая в доме своего мужа, могла навестить в ханском дворце Нурсолтан, ставшую женой наследника. Нурсолтан

была в гостях у Шахназ только один раз, во время празднеств, связанных с её бракосочетанием, тогда солтан Халиль представил её своему младшему брату. А сейчас не могло быть и речи, чтобы она отправилась туда одна, без позволения супруга.

Нурсолтан опустила в канафэ, лихорадочно обдумывая, как ей попасть в дом к Шахназ. Она могла послать письмо со служанкой, но Шахназ была не любительницей писать, а передать на словах с чужим человеком свои тревоги едва ли возможно. Нурсолтан уже не сомневалась в том, что у Шахназ что-то случилось, и даже почувствовала прилив сил, призывающий её к действию. Подобное случалось всегда, когда она чувствовала приближение опасности.

Такое же было совсем недавно, когда у мужа, солтана Халиля, случился приступ болезни, не посещавшей его долгие годы. В ту ночь от сильного чувства тревоги Нурсолтан никак не могла заснуть, и потому не растерялась при виде бьющегося в судорогах супруга. В час испытания, ниспосланного ей Аллахом, она кинулась через весь дворец босой к престарелому табибу. А когда целитель занялся больным, Нурсолтан проделала ещё один путь по холодному ночному дворцу к покоям хана. Она до сих пор помнила сумасшедшее биение сердца и дрожь, охватившую её с головы до ног. Нурсолтан позволила ощутить себя слабой женщиной лишь тогда, когда приступ благополучно завершился, и солтан заснул глубоким, не вызывающим опасения, сном. Хан Махмуд тогда крепкими ладонями ободряюще сжал озябшие плечи молодой женщины и сказал:

– Я знал, что не ошибся в тебе, доченька, и благодарен тебе за это.

Ей хотелось сказать старому хану, что жизнь Халиля так же дорога ей, как и ему, что её не за что благодарить. Но губы тряслись от холода, и она ничего не смогла вымолвить. Тогда хан приказал принести горячего травяного отвара для неё и с заботливостью отца заставил прилечь Нурсолтан на ложе под тёплые стёганные покрывала.

Воспоминания о недавнем происшествии укрепили Нурсолтан в мысли, что ей необходимо попасть к Шахназ. Но как это можно сделать? Открылись резные створки дверей, и в них вошёл Халиль, лицо молодого солтана сияло:

– Нурсолтан, ты только взгляни! Сегодня мы с отцом чертили план нового медресе. Отец обещал, что я буду лично руководить строительством.

Солтан разложил на столике чертежи и рисунки.

– Да, это очень интересно, – рассеянно ответила Нурсолтан.

В любое другое время она бы с увлечением принялась обсуждать проект нового медресе, но только не сейчас. Не сейчас, когда её сердце снедала тревога!

– Что с тобой, родная?

Она перевела дух. Как всегда, чуткое сердце Халиля уловило её настроение, и она рассказала ему о своей тревоге.

– Но почему ты так уверена, что с Шахназ случилось что-то? Наверняка, тебе первой бы сообщили о несчастье, – выслушав её сумбурную, взволнованную речь, произнёс Халиль.

– Поймите, мой господин, может быть, не случилось ничего страшного, обычные женские страхи! Но я должна узнать об этом от самой Шахназ, или я просто не смогу заснуть.

– Ну, хорошо, Нурсолтан! Чтобы освободить твоё сердце от забот, я пошлю с тобой личную охрану и напишу письмо брату, в котором извещу его о твоём визите.

– О Халиль, благодарю вас!

Она в неосознанном порыве, склонилась и быстро поцеловала его руки, приведя солтана в замешательство неожиданной своей лаской. И в тот же миг бросилась к дверям приказать служанкам подать одежды.

На улицах столицы ханства стояла глубокая зима. От крепкого мороза и у лошадей, и у людей струились клубы пара из ноздрей. Главный ханский конюший тихонько ворчал на нерасторопных рабов, собравшихся возле кошёвы, которую закладывали для молодой жены

наследника. Нурсолтан появилась на крыльце в окружении служанок и охраны, которую ей дал муж. Устроившись в полутёмных недрах кошёвы, она запахнулась в обштую соболями шубу и с нетерпением поинтересовалась, как скоро возок тронется в путь. Но словно все сговорились сегодня против неё: что-то случилось с упряжью, и Нурсолтан потеряла ещё несколько мгновений, ставших роковыми в судьбе её сестры Шахназ.

Шахназ все эти полгода, с тех пор, как оказалась в столице Казанского ханства, чувствовала себя вершиной горы, сложенной из сладкой халвы почитания, лести, наслаждений и благоденствия. Густонаселённая Казань с её богатыми, зажиточными домами, обширными слободами, великолепными базарами сразу покорила её жадную до разнообразия, деятельную натуру. Большой дом мужа, солтана Ибрагима, своими постройками напоминал ей ханский дворец в миниатюре. И даже сад, раскинувшийся за домом, был так похож на ханский, только гораздо меньших размеров. Дом звался Кичи-Сарай¹, и в нём Шахназ очень быстро стала ощущать себя хозяйкой. Стычки с властолюбивой и резкой Фатимой-солтан, старшей женой Ибрагима, лишь привносили необходимое разнообразие и остроту в её повседневную жизнь. Слуги в доме слушались и боялись её. А муж был ласков и покорен, как укрощённый тигр, мурлыкавший у ног. Получая от солтана Ибрагима дорогие подарки и любезные знаки внимания, Шахназ сразу уверилась в сильной и горячей любви своего мужа. А затем быстро остыла в чувствах к супругу. Её всегда интересовало только то, что невозможно было получить, как это было в далёких Ногаях, когда она страдала от любви к синеглазому брату Нурсолтан – мурзе Хусаину. Образ мужчины, которого она так и не увидела у своих ног, стал посещать молодую женщину всё чаще. Она ощущала необычайное томление в своей душе, словно стояла

на пороге большого неизведанного чувства. Она томилась и ждала, когда же произойдёт то, что предчувствовало её сердце. И это случилось.

В один из осенних дней она пожелала прогуляться по саду. Гуляла Шахназ всегда в одиночестве: глупые служанки и евнухи с тонкими, визгливыми голосами, своими разговорами раздражали её, а соперница Фатимасолтан никогда не появлялась там, где находилась вздорная младшая жена. В этот день Шахназ надела на себя лучшие драгоценности, словно желала ослепить весь мир своей красотой. Дочь Тимера, крутясь перед большим зеркалом в украшенной затейливой серебряной чеканкой раме, наслаждалась своим образом. У кого ещё так могли блеснуть раскосые глаза? И чьи ещё полные, чувственные губы можно было сравнить со сладкой вишней? Оправив богато расшитый бархатный казакин и полюбовавшись цветными переливами на шароварах из исфаханского атласа, Шахназ позволила прислужницам накинуть на плечи шубу, подбитую серебряной парчой и отороченную светлым мехом. Решив, что теперь она выглядит неотразимо, молодая женщина направилась в сад.

Она никогда не глядела по сторонам, с достоинством вышагивая мимо застывших в немом молчании стражников. Но в этот раз у входа в сад остановилась. Молодой стражник, стоявший с алебардой у ворот, показался ей очень похожим на Хусаина. Она даже ухватила за сердце, чувствуя, как перехватило дух. Безумная мысль промелькнула в её очаровательной головке: «Может быть, Хусаин, воспылав ко мне страстью, тайно прибыл в Казань и пробрался, под видом стражника, в мой дом». Такое часто случалось в прочитанных ею книгах, и Шахназ даже на миг не задумалась о невозможности своих мечтаний. Под впечатлением романтических видений, она шагнула к стражнику, откидывая в сторону яркое покрывало. Ещё мгновение, и она увидела – это не Хусаин, но мужчина, стоявший перед

¹ Кичи-Сарай – досл., Малый дворец.

ней, был ослепительно хорош, и в восхищении глядел на неё незабываемыми синими глазами...

Эта встреча у ворот перевернула всю жизнь Шахназ. Чувство детской влюблённости к Хусаину теперь вдруг переросло в нечто огромное, страстное, смывающее мощной волной все доводы разума. Поначалу она не хотела признаваться даже самой себе, что влюбилась в стражника, охранявшего сад её мужа, но время шло, и она убеждалась в неотвратимости своего чувства. Шахназ пыталась запретить себе бывать в саду. Осенние дожди, которыми разразилось хмурое свинцовое небо, помогли ей в этом намерении. Но вскоре пришла зима, укрыв дорожки сада и деревья пушистым белым ковром, и Шахназ снова начала свои прогулки, бродила в тихом снежном безмолвии и тайно ожидала очередной встречи. Она знала все дни, в какие покоривший её сердце стражник дежурил у садовых ворот. Она не пропускала ни один из них и возвращалась в свои покои каждый раз безмерно счастливая. Если вздыхала она, то вздох вырывался и из его груди. Они делились безмолвными взглядами, но сколько было сказано одними глазами! Завораживающая, опасная игра, которая заманивала их в омут безрассудств.

В роковой для них день Шахназ впервые решилась заговорить с ним, а мужчина только и ждал её слов. Словно иссохшая земля, она жадно впитывала в себя восхитительные слова любви, тая под взглядом сверкающих страстным огнём синих глаз.

– Прекрасная госпожа, я ваш раб и невольник, ваш слуга. Если я чёрная ночь, то вы – моя золотая луна, если я – белый день, вы – моё ослепительное солнце! Видел ли мир женщину, прекрасней вас? Моё сердце иссыхает, если я не вижу вас, а глаза покрывает покрывало скорби. Вы – пир для моего зора, ваш голос – мёд для моего слуха...

Не помня себя, шагнула Шахназ на встречу покорившему её мужчине, руки влюблённых соединились, а губы его продолжали шептать:

– Я не видел губ, желанней ваших. Они, как источник воды в пустыне. О моя повелительница, я готов умереть за один лишь поцелуй...

– Так почему же тебе и в самом деле не умереть! – раздался за спиной Шахназ ядовито-желчный голос её мужа.

Шахназ, смертельно побледнев, обернулась. Солтан Ибрагим стоял перед ними, гневно сжимая в руках нагайку. Смерив презрительным взглядом младшую жену, он окликнул нукеров, стоявших за его спиной:

– Бросьте безумца в мой подвал, там с ним и побеседую. А госпожу проводите в покои, ею я займусь после.

Глава 10

Шахназ была в смертельном страхе. Ей хотелось сбежать к Нурсолтан под защиту мудрой рассудительной сестрёнки, но возле дверей были приставлены нукеры мужа, и они не позволяли покинуть комнату, превратившуюся теперь в зиндан. Всю ночь она провела в слезах и молитвах. А наутро распахнувшиеся двери впустили в покои солтана Ибрагима. Она простёрлась перед ним в униженном поклоне:

– Мой господин, пощадите меня, я была не в себе, когда позволила слушать эти признания... мой господин, ведь ничего не произошло, он только коснулся моих рук...

– Твоих рук, Шахназ?

Голос солтана показался ей спокойным, и она робко вскинула глаза, с надеждой вглядываясь в грозно возвышавшуюся над ней фигуру мужа. «Он не может не простить меня, ведь Ибрагим любит меня! – Лихорадочно думала она. – Конечно, он сердится, и может теперь запрет меня в моих комнатах и перестанет дарить мне подарки. Но потом он простит меня, я не сделала ничего такого, за что меня можно подвергнуть жестокому наказанию!»

– Только моих рук, господин, я клянусь вам, он сегодня впервые заговорил со мной, а я не сказала ему ни слова...

Сумбурный поток слов остановил

громкий смех мужа, прозвучавший в полутёмной комнате зловеще.

– Шахназ, ты как ребёнок, который придумал себе сказку и сам поверил в неё! Ты должна понимать: время не повернуть вспять; то, что произошло – уже случилось, и тебе придётся ответить за это.

Ибрагим прошёлся по комнате, заложив руки за спину. Его мягкие, почти неслышные шаги отдавались в ушах Шахназ ужасным грохотом. И она, всё ещё стоя на коленях, зажала уши обеими руками, губы и всё её тело дрожали, и она никак не могла унять эту дрожь.

– Твой любовник признался в прелюбодейной связи, существовавшей между вами, не сразу, но признался. Сегодня я должен сообщить об этом казию. Вас обоих ждёт суд Шариата. Ты должна помнить, милая Шахназ, какое наказание предусматривает Шариат за прелюбодеяние.

– Нет! – Шахназ, до последних его слов с недоумением слушавшая мужа, сейчас словно очнулась и, вскочив на ноги, кинулась к солтану. – Ибрагим, выслушай меня! Между нами ничего не было, стражник оболгал меня. Я даже не знаю его имени, я никогда не разговаривала с ним...

Ибрагим отвёл цеплявшиеся за него руки.

– Тебе ли не знать, Шахназ, для того, чтобы совершить прелюбодеяние не обязательно произносить слова, они иногда даже мешают!

– Мой господин! Выслушайте меня, это ошибка, это всё неправда! Какая женщина не любит слушать красивые слова?! Я только слушала, что мне говорил этот стражник, только слушала! Между нами не было ничего, прошу вас, поверьте мне!!

Она молила его, снова упав на колени, протягивала к нему руки в страстном желании доказать свою невиновность. Но взгляд Ибрагима был холоден и беспощаден.

Шахназ не знала, что стражник, уведённый нукерами в подвал, не сказал своему господину ни слова, потому что

солтан зарубил его на месте, как только остался наедине с провинившимся. Ибрагимом владел даже не гнев, а простой расчёт. Уже несколько лет главной целью его жизни было желание стать наследником хана. Он был младше солтана Халиля всего на год, но выглядел старше его. Высокий, крепкий, пышущий здоровьем, отважный воин, любимый казаками и признаваемый карачи. Чем не будущий хан? Но отец упорно держался за хилого, больного Халиля, одним только этим обстоятельством заставляя Ибрагима тихо ненавидеть старшего брата. Однако он не оставил своей мечты. Медленно, но верно шёл Ибрагим к заветной цели, создавая в среде казаков, огланов и беков образ бесстрашного, удачливого во всех своих начинаниях солтана, того, кого после смерти хана Махмуда эта великая сила казанского государства могла избрать на трон. И вот образ, который он создал с таким трудом, мог в одночасье рассыпаться от недостойного поведения блудливой ногайки. Что станут говорить о нём, когда узнают, что его жена путается с его собственным стражником, в то время как супруга Халиля славится всеми добродетелями, какие только могут украсить женщину? Придя этим утром в покои младшей жены, он уже знал, никакого суда Шариата не будет! Он не предаст огласке этот глупый случай. Обо всём, что произошло вчера у ворот зимнего сада, знали, кроме него, только три самых верных и надёжных нукера. Они убьют любого, кто нелестно отзовётся об их господине. Стражник, покусившийся на его честь, уже корчился в муках ада, где ему было уготовано место. Оставалась одна Шахназ, Шахназ, которая пыталась доказать свою невиновность, не зная, что муж уже приговорил её к смерти.

– Твои слова ничего не значат, Шахназ. – Ибрагим в очередной раз оттолкнул от себя цеплявшиеся за полу камзола руки жены. – Прав имам, говоривший, что все женщины – порождение Иблиса. Все вы лживы и изворотливы, как истинные дочери шайтанов! Сегод-

ня твою судьбу решит кадий, и толпа правоверных закидает тебя с твоим любовником камнями!

Какое-то мгновение он с безразличием наблюдал за рыдавшей в его ногах Шахназ. Молодая женщина уже не в силах была оправдываться, её рыдания постепенно превращались в судорожные всхлипывания, больше похожие на предсмертную агонию. Однако в сердце Ибрагима не было жалости, Шахназ для него теперь не существовала, она была лишь препятствием на пути к казанскому трону, досадным препятствием, которое нужно было убрать.

– У тебя есть один выход, Шахназ, – медленно проговорил солтан.

Он увидел, как распухшие от слёз глаза молодой женщины с надеждой уставились на него.

– Этот перстень! – Он снял с пальца массивный золотой перстень с крупным изумрудом. – Я оставляю его тебе. Это очень просто, ты повернёшь камень и высыплешь порошок в своё питьё. Всё, что я могу сделать для тебя – одарить быстрой и лёгкой смертью. Так ты избежишь позора и мучительной смерти от острых камней. Ведь ты ещё не знаешь, маленькая Шахназ, как жестока бывает толпа правоверных, исполняющая решение суда Шариата!

– Ибрагим, – еле слышно, распухшими губами взмолилась она.

– Мне очень жаль, Шахназ, но другого выхода у тебя нет. Укрепи же свою душу молитвой и решишь на этот шаг, чтобы не быть опозоренной навеки.

Уже на пороге он бросил:

– Я приду за своим перстнем через два часа... два часа жизни, моя дорогая, это не так уж и мало!

Кошёва Нурсолтан, скрипя железными полозьями по сверкающему под ярким солнцем снежному насту, влетела во двор солтана Ибрагима в тот самый миг, когда Шахназ дрожащей рукой высыпала в стакан с шербетом порошок из перстня, оставленного супругом. Нурсолтан спешила по узкому коридорчику женской половины, даже не скинув шубы, она чувствовала, что

тревога, щемившая её грудь, сейчас переросла в одну большую боль. Такую боль она испытывала только один раз в жизни, когда поняла, что навсегда потеряла Менгли. У дверей Шахназ дежурил не обычный евнух, а нукер с острой алебардой в руках, но загородить путь жене наследника он не посмел. Нурсолтан распахнула двери, шагнула внутрь и замерла от ужаса, ледяной рукой перехватившего её горло. Шахназ билась в судорогах на полу. В широко распахнутых глазах сестры она видела безмерное страдание, несчастная пыталась что-то сказать, но из её горла вырывался только хрип. Нурсолтан скинула мешавшую шубу, а следом за ней калфак с покрывалом, и упала на колени перед умирающей сестрой.

– Шахназ! Шахназ, сестрёнка моя, что с тобой? О, прошу тебя!

Вцепившись в плечи молодой женщины, она сорвалась на безумный крик, умоляла и стонала. Сердце, наполненное ужасом, исходило кровью от беспомощности при виде мучений сестры, которые Нурсолтан не в силах была прекратить. А глаза Шахназ, обращённые к выходу, вдруг наполнились страхом, и Нурсолтан невольно перевела взгляд туда. В дверях стоял солтан Ибрагим. Нурсолтан, как в замедленном сне бросилась к брату Халиля, её срывающийся голос превратился в хриплый шёпот:

– Табиба... Ради Аллаха, скорей пришлите табиба! Вы же видите, она умирает!

– Я это вижу, – отвечивал солтан Ибрагим, не сводя с неё пристального взгляда. – Но табиб моей жене ни к чему, она сама избрала свой путь. Это яд, от которого нет спасения.

Нурсолтан отшатнулась от мужчины, ещё не веря, что услышанное из жестоких уст, не мерещится ей. Она обернулась к затихшей Шахназ, покачнулась и упала в чужие мужские руки, подхватившие её. Ибрагим усадил ослабевшую женщину, склонился, не в силах оторвать взгляда от прекрасного лица, от пышных локонов, разметавшихся по

парчовой обивке сидения. Не удержавшись, шепнул:

– Как ты прекрасна, Нурсолтан! Не зря во дворце отца превозносят твою красоту. И в этом моему брату повезло. Почему ему, а не мне?

Ибрагим опустил на колени, коснулся её тонких нежных пальцев. Даже он, дерзкий и необузданный в своих желаниях, не осмелился на большее, но как же он хотел этого большего! Его ноздри улавливали восхитительный аромат женщины, глаза наслаждались, и не могли насытиться ослепительной красотой. И эта женщина не его, не принадлежит ему, не может принадлежать!

– Ах, если бы ты была на месте Шахназ, я простил бы тебе любой грех, или почти любой... Ты рождена быть повелительницей мужских сердец, а досталась жалкому Халилю. Наверно, он и лечь с тобой на ложе боится, боится потерять сознание от такой красоты! Аллах заставил его нести бремя непосильной любви, а он так слаб, что не в силах носить собственное платье.

Нурсолтан едва слышала и понимала, что он говорил, но оскорбления, наносимые Ибрагимом мужу, внезапно придали ей силы. С гневным презрением она оттолкнула солтана и вновь опустилась подле Шахназ. Искажённые страданиями черты женщины уже застыли, и Нурсолтан в странном оцепенении прижала к своей груди мёртвое лицо сестры.

– Оставьте её, Нурсолтан. Вы же видите, Джебраил унёс её душу. Я пришло рабынь, они сделают всё, что нужно.

Солтан шагнул к ней, но холодный, полный спокойного презрения голос остановил его:

– Убирайтесь, Ибрагим. Не оскверняйте её память своим присутствием. Как мудро решил наш хан, избрав своим наследником Халиля! Я не знаю, что будет с этим народом, если ханом станет такое чудовище, как вы!

Она не ведала, как точно и больно ударила его своими словами, она едва ли что-нибудь понимала и ощущала в эти минуты. Всё, что сейчас делала или

говорила Нурсолтан, происходило с ней как во сне, страшном бесконечном сне, от которого не было спасения и который ей предстояло досмотреть до конца.

Глава 11

Весна пришла в Казань вместе с праздником Науруз. По-восточному узкие улочки города утопали в непролазной грязи. У заборов высились почерневшие сугробы, просевший снег разливался в огромные лужи. Но лужи эти не могли остановить празднично разодетые толпы весёлых шакирдов. Они ватагами спешили по дворам, распевали озорные четверостишья, начертанные на традиционных наурузных палочках. Гостеприимные хозяева в ответ наполняли полотняные мешки гостей самой разнообразной снедь: яйцами, кусками вяленого гуся и конины, глиняными кринками с душистым мёдом и маслом, печёными сладостями.

Солтан Ибрагим задумчивым взглядом проводил спешивших мимо него шакирдов. Молодые казанцы, разодетые в тёплые казакины из яркого сукна с накрученными на головы белоснежными чалмами, были такого же возраста, как и он, но солтана поразила беззаботность и безудержное веселье, царившее среди них. Они словно жили совсем в другом мире, мире который был недоступен для него, могущественного солтана, рождённого жить в роскоши и славе. В другом месте и в другое время он и не вспомнил бы о них. Разве могли сравниться с ним, солтаном Ибрагимом, простые шакирды, перебивающиеся чёрствой лепёшкой и водой? Но сейчас он вдруг позавидовал им, их беспечности и радости, их умению сделать праздником любой день. Их головы не отягощали тяжёлые мысли, неотвязно мучавшие молодого солтана, они были далеки от забот, непосильным бременем лежавшим на его плечах. Им не нужно было ежеминутно думать о том, как они выглядят в глазах карачи, казаков, и даже в глазах черни. Солтан Ибрагим должен был думать и помнить

об этом всегда. Слишком долго и тщательно создавал он свой образ, немало препятствий убрал со своего пути. Что могут знать об этом беззаботные юнцы, месившие ичигами непролазную грязь на улицах. Им не приходилось быть всегда настороже, плести интриги и нещадно уничтожать всех своих врагов, как это приходилось делать ему.

При мысли об этом Ибрагим нахмурился, вспомнилась вдруг покойная младшая жена. Мысли о ней слишком часто беспокоили молодого солтана, но не потому, что его мучили угрызения совести или он чувствовал свою вину за то, что подтолкнул Шахназ к роковому шагу. Нет, его беспокоило другое. И этим другим была Нурсолтан. Вспомнил о жене старшего брата, и как по мановению волшебной палочки мир изменился в его глазах.

Тронув поводья своего коня, солтан Ибрагим уже не видел грязных луж и мокрых унылых заборов, возвышающихся по сторонам, в его глазах стояла безоблачная синь неба, такой пронзительной синевы оно бывало только в весенние дни. Такой же синевы были глаза Нурсолтан. Было просто удивительно, как могли меняться эти поразившие его сердце глаза: то становились сапфировыми, густой синевой своей напоминавшими драгоценные камни, то вдруг светлели, как весеннее небо, превращаясь в бирюзу. Не замечая больше ни молчаливых нукеров, следовавших за своим господином, ни весёлых, празднично разодетых людей, Ибрагим под мерную поступь арабского скакуна погружился в сладостные воспоминания.

Вновь и вновь память возвращала его к тем мгновениям, когда он в роковое зимнее утро спешил на женскую половину своего дворца, едва узнав о неожиданном приезде Нурсолтан. Жена наследника могла спутать все его планы, а этого нельзя было допустить. Он опоздал, Нурсолтан успела войти в покои сестры раньше него, но спасти Шахназ это уже не могло. Ибрагим молча смотрел как корчилась в страшных мучениях младшая жена,

но не испытывал при этом ни жалости к ней, ни сожаления по поводу случившегося. Лишь одна мысль лихорадочно билась в его голове: успела ли Шахназ поговорить со своей сестрой и если успела, то, что она сказала Нурсолтан. А через мгновение Ибрагим уже забыл обо всех своих тревогах и предосторожностях, это случилось, когда Нурсолтан поднялась навстречу ему, и он увидел её без покрывала. Такой, какой не мог видеть женщину посторонний мужчина, такой, какой её видел только Халиль. Ибрагим замер покорённый совершенной красотой, которую не испортила ни смертельная бледность, ни ужас и смятение, царившие в прекрасных глазах. А потом, теряя сознание, она оказалась в его руках. Он помнил до мельчайшей подробности, как подхватил её на руки и понёс к канафэ. Помнил, как близко были её губы, как билась голубая жилка на нежной шее. О, если бы он осмелился тогда прижаться к ней губами, успокоить её испуганное биение, ощутить нежность женской кожи, вдохнуть восхитительный аромат её тела...

В те мгновения он забыл, что за пропасть лежала между ними. Он забыл, что Нурсолтан принадлежит его ненавистному брату, что в нескольких шагах от них умирает женщина, которая была любимой сестрой Нурсолтан, и которую он приговорил к смерти. Что бы случилось, если вся правда открылась тогда, если бы умирающая Шахназ успела обвинить его в своей смерти?

В тот же день он допросил нукера, стоявшего на страже у дверей Шахназ. Преданный воин уверял, Шахназ не смогла произнести ни слова, но даже его уверения не могли успокоить Ибрагима. Его беспокоили обвинения, брошенные Нурсолтан ему в лицо, она говорила так, словно знала всю правду, начиная от смерти своей сестры и заканчивая его интригами на пути продвижения к трону. Она больно задела его своими жестокими словами, безоговорочно поставив Халиля выше него. Эта женщина лишилась зрения, если она не видела насколько он, Ибрагим, лучше Халиля.

Но он ещё докажет ей это! Нурсолтан должна разглядеть в нём настоящего мужчину, ведь до него так далеко слабобольному и хилому Халилю. Когда-нибудь придёт день его триумфа, он сядет на трон Земли Казанской, и тогда Нурсолтан станет его женой. Ей не уйти от своей судьбы. Он заставит её взглянуть в глаза правде, он докажет, что не может быть лучшим хана, чем он, и Халилю не сравниться с ним. А пока он должен быть очень осторожен, и он должен выяснить, в чём подозревает его Нурсолтан и как она относится к нему сейчас.

Жена наследника, находясь в глубоком трауре, несколько месяцев не покидала женской половины дворца. Но сегодня, как доложили солтану, её обязали появиться на меджлисе, посвящённом Наурузу. Значит, был шанс встретиться на этом празднике с Нурсолтан и сжечь в душе последние сомнения, мучавшие его. На этот праздник он и спешил, оставив загородный аул, где стояли на постое основные части казанских казаков.

Солтан Ибрагим не один месяц прожил вместе с простыми воинами, стремясь завоевать их популярность. Он уехал оттуда успокоенный, с твёрдой уверенностью, что казаки пойдут за ним в любые сражения и битвы, и они будут преданы ему. Это был ещё один очень важный шаг на его пути к казанскому трону.

На вечерний меджлис солтан Ибрагим прибыл один. Его супруга Фатима-солтан уже гостила у казанской ханум. Старшая жена хана Сэрби-ханум привечала Фатиму-солтан с тайной надеждой досадить Нурсолтан. Свою невестку она недолюбливала, а порой открыто ревновала, считая, что Нурсолтан отнимает у неё внимание сына и мужа. Вот и сейчас в Пиршественном зале она не отпускала от себя супругу Ибрагима, а Нурсолтан словно не замечала. Присутствующие на празднике женщины отметили это сразу. Покачивая остроконечными шпильками калфаков и склоняясь друг к другу, сплетницы взволновано зашушукались, смакуя подробности.

Нурсолтан в нерешительности остановилась в дверях, не зная, к кому подойти, она чувствовала холодок отчуждения, исходивший от знатных женщин, возглавляемых Сэрби-ханум. Сама старшая госпожа и мать наследника что-то нашёптывала на ушко Фатиме-солтан, та раскраснелась и выглядела вполне довольной похвалами ханши. Обе женщины не повернули голов в сторону Нурсолтан, хотя управляющий дворцом Аккубек зычным голосом возвестил о её прибытии в залу. Как никогда, Нурсолтан ощутила чувство одиночества, ей захотелось кинуться к Халилю, который понял бы её состояние. Но солтан был занят беседой с карачи, и она не посмела побеспокоить его. Выпрямив спину и стараясь не спешить, чтобы её уход не был воспринят как бегство, Нурсолтан вышла в распахнутые двери сада. Свежий ветерок осушил брызнувшие из глаз слёзы, и она возблагодарила Аллаха за то, что никто не увидел её слабость. Она не услышала, сколько желчи и яда прозвучало в словах Сэрби-ханум, проводившей невестку злым взглядом:

– Эта ногайка слишком много возомнила о себе. Она считает, что может крутить мужчинами, как ей вздумается. Мой сын совсем потерял голову из-за неё, он и шага не может сделать, чтобы не посоветоваться с ней. Можете себе представить, дорогая Фатима-солтан, даже наш повелитель, хан Махмуд, советуется с ней! О, Аллах, как он может спрашивать совета у девчонки, единственным достоинством которой является смазливое лицо?!

– О, как я вас понимаю, уважаемая ханум, – зашептала Фатима-солтан, отогнув край тонкого покрывала. – Должно быть, ваша невестка такая же бесстыдница, как её сестра, покойная Шахназ. Та не могла пройти равнодушно мимо мужчин. Если бы вы знали, почему она любила гулять по саду одна.

– О Аллах, возможно ли это?

Грузная Сэрби-ханум изнемогала от любопытства, и всё же понимала как много посторонних ушей вокруг.

– Давайте прогуляемся к фонтану, моя дорогая, хочу узнать всё, что известно вам.

– Известно мне немного, – в нетерпении зашептала Фатима. – Одна из служанок видела, как Шахназ заигрывала со стражниками. Как хорошо, что мой муж избежал позора, Аллах покарал бесстыдницу, не дав ей совершить тяжкий грех!

– Вы ввергли меня в омут печалей и забот, Фатима-солтан, кто бы мог подумать, что дочери мурзабека Тимера способны на такое?! Теперь я понимаю, что за женщина досталась в жёны моему сыну. Не зря я с первого же дня невзлюбила её! Что касается солтанши Шахназ, то желудочная болезнь вовремя отправила её на тот свет, даже страшно представить какой позор пал бы на ханскую семью, если одну из невесток уличили в прелюбодеянии!

Праведный гнев горел в сердце казанской ханум, а Фатима-солтан лишь подлила масла в огонь.

– Они обе дочери прелюбодеяния. Известно, что яблочко от яблони недалеко падает. Будьте строже со своей невесткой.

– О! Я завтра же поговорю с сыном, и сама отныне глаз с неё не спущу! Вот скажите мне, дорогая Фатима-солтан, где она сейчас, когда все благородные женщины находятся в зале? Я видела, отправилась гулять по саду одна, как и её бесстыдница-сестра! А вдруг она там встречается с посторонним мужчиной? О, Аллах, не допусти позора на нашу голову!

Сэрби-ханум даже представить не могла, как она недалеко от истины. Нурсолтан в эти минуты гуляла по саду одна, а по подсохшим дорожкам сада навстречу ей шёл солтан Ибрагим.

Глава 12

Нурсолтан остановилась около любимой скамьи. Сад после зимы находился в полном запустении. Прошлогодние листья почерневшей паутиной окутывали деревянное сиденье и изящ-

но выгнутую спинку скамьи. Следовало послать рабов, чтобы навели здесь порядок, но, похоже, казанской госпоже заниматься обыденными делами было недосуг. Нурсолтан вздохнула и решила отправиться дальше бродить по каменным дорожкам сада, но внимание привлекли ярко-жёлтые маленькие цветы, словно солнечные брызги рассыпанные у подножья раскидистого куста. Нурсолтан даже руками всплеснула, ну что за чудо! Снег ещё кое-где лежит серыми заледеневшими островками, а они такие маленькие, но такие отважные уже выбрались на свет, напоминая всему миру – весна пришла, весна! Молодая женщина присела на корточки, осторожно отгребла в сторону старые листья, освобождая крепкие тёмно-зелёные стебельки, гордо увенчанные золотистыми соцветиями, тронула тонкими пальцами пушистые шапочки цветов.

– Вы испачкаете своё платье, госпожа.

Голос, раздавшийся позади, заставил её вздрогнуть и стремительно обернуться. Она забыла о своей неудобной позе и упала бы, если руки солтана Ибрагима не поддержали её, помогая подняться. Но даже когда она оказалась на ногах, солтан не разжал своих рук, так и держал её за плечи, не отрывая взгляда от женских глаз, единственного что было открыто взору мужчины. Словно облачко набежало на безмятежное лицо Нурсолтан, она нахмурилась и резко отступила назад, движением этим стряхнув со своих плеч чужие руки.

Нурсолтан не видела Ибрагима с того самого дня, когда она потеряла любимую сестру и единственную подругу своей юности. Ей очень хотелось никогда больше не видеть этого человека, он напоминал ей о том, о чём она стремилась забыть. При дворе было официально сообщено о слабом желудке Шахназ-солтан, о её неумеренном аппетите, что якобы и стало причиной смерти. Никогда ещё Нурсолтан не слышала большей глупости, но все вокруг поверили в рассказы солтана Ибраги-

ма, а она, чувствуя, что за всем этим кроется куда большее зло, промолчала. Нурсолтан хотелось, не торопясь, разобраться во всём самой, но всякий раз, вспоминая, как билась в судорогах умирающая Шахназ, она едва не теряла сознание. Всё, что происходило тогда в покоях сестры с момента её прихода и до самого последнего мига, было покрыто пеленой тумана, и лишь отрывочные воспоминания всплывали перед глазами молодой женщины. И тогда она видела перед собой застывшего в дверях Ибрагима. Его равнодушный голос звучал в её ушах. Она помнила, что солтан Ибрагим говорил о яде, который приняла её сестра. Ну, почему всегда такая жизнерадостная и счастливая Шахназ приняла яд, и что или кто её заставил это сделать? Как поступить, зная страшную правду о смерти сестры, потребовать разбирательства у самого хана или молиться, положившись на справедливый суд Всевышнего? Она и молилась и спрашивала совета у Аглаха, но всемогущий Судья молчал, ввергая её в пучину ещё больших сомнений. Как ни пыталась она бежать от своих воспоминаний, случившееся напоминало о себе с каждым разом всё сильнее.

Вот и сейчас перед ней оказался солтан Ибрагим, муж покойной сестры, и воспоминания, спрятанные Нурсолтан в самый дальний уголок сознания, всплыли вновь. Когда-то Шахназ уверяла Нурсолтан, что Ибрагим любит её. Но для любящего мужа, солтан, на глазах которого умирала жена, повёл себя более чем странно. А от воспоминаний о том, как Ибрагим вёл себя с ней, женой своего брата, Нурсолтан бросало в краску. Он едва не признавался ей в любви, и всё это в те мгновения, когда душа Шахназ отлетала к небу! Как ни старалась Нурсолтан, но не могла заставить себя оказать уважение солтану Ибрагиму, которого она в глубине сердца презирала. Она не желала ни говорить с ним, ни общаться, даже если того требовали правила приличия.

Отступив от Ибрагима, Нурсолтан обошла его и направилась назад, к

Тронному залу, но мужчина преградил ей путь.

– Не слишком вы ласковы, Нурсолтан, с единственным братом вашего мужа. Отчего бы вам не поприветствовать меня, как это положено? Или в улу-се вашего отца вас не обучали правилам хорошего тона?

– Уйдите с дороги, солтан, я не желаю говорить о приличии с человеком, нарушающим эти правила на каждом шагу!

Она опять попыталась обойти его, но Ибрагим, засмеявшись, легко пресёк её попытку.

– Когда вы сердитесь, в ваших глазах загораются такие воинственные огоньки. Ваш презрительный тон может отпугнуть кого угодно, но только не меня! Ведь у нас так много воспоминаний, Нурсолтан, и нам не помешает поговорить об этом, вам так не кажется, дорогая невестка?

– Что вы хотите от меня?!

– Немногого, Нурсолтан! Хочу, чтобы смотрели на меня ласковей и чаще беседовали со мной. Ведь нас объединяет одно горе – смерть нашей маленькой Шахназ...

– Не смейте! – Нурсолтан сжала кулаки. – Вам недостаточно того, что вы оболгали свою покойную жену, представив её в лице всего двора дикаркой, не отходившей от стола? Вы и сейчас готовы посмеяться над ней. Вы и в самом деле чудовище, Ибрагим, глядя на вас, трудно поверить, что вас родила женщина!

– Замолчите! – Солтан вцепился в руку женщины, даже не замечая, что делает ей больно. – Вы всё время оскорбляете меня, Нурсолтан, должно быть в этом вы ушли недалеко от своей сестры! Но придёт время, и я заставлю вас уважать себя, а иначе берегитесь!

Задыхаясь от ненависти, они глядели друг на друга.

– Вы обвиняете меня в том, что я сказал неправду о смерти вашей сестры. Да, Нурсолтан, я солгал! Но если я расскажу всю правду, то Шахназ, где бы она сейчас ни находилась, в раю или

аду, проклянёт вас. Поверьте, для всех нас лучше, если смерть Шахназ будет выглядеть смешной, чем откроется позор, в который она ввергла нас всех!

– Позор?! О чём вы говорите, солтан? В чём ещё хотите обвинить мою бедную сестру?

– О, ваша бедная сестра провинилась в самой малости, Нурсолтан! Она была уличена в прелюбодеянии со стражником.

Если бы все молнии и громы небесные разом ударили в ханский сад, они не поразили бы Нурсолтан так сильно, как слова Ибрагима. Внезапно онемев, она глядела на солтана полными недоверия глазами, и в этих глазах он прочитал: Нурсолтан ждала объяснений. Солтан Ибрагим понял: здесь, сейчас и только от него зависит, останется ли смерть Шахназ тайной навсегда, или уже завтра сплетни разнесутся по двору. И тогда ему будут сочувствовать, заглядывая в глаза, а потом злорадно посмеиваться за спиной, смакуя подробности.

– О моя дорогая невестка! – Ибрагим вдруг услышал свой голос со стороны и поразился сам себе. Его голос звучал именно так, как он должен был звучать сейчас, это был голос страдающего человека, с трудом сдерживающего свою боль. – Я так любил Шахназ! Ради неё я позабыл Фатиму-солтан. Я дарил вашей сестре дорогие подарки, баловал и холлил её, а она вонзила нож мне в спину! Она получала от меня всё, о чём только может мечтать женщина, но ей оказалось этого мало. Я должен признать: её любовник, этот Аллахом проклятый стражник, был очень красив. Смазливый юнец с такими же синими глазами, как и у вас, Нурсолтан. Должно быть, сам Иблис поставил этого мужчину на пути моей жены, иначе я не могу объяснить измены Шахназ.

– Вы говорите, такие же глаза как у меня? – Непослушными губами едва вымолвила Нурсолтан. – О Всевышний, этого не может быть! Она увидела в этом стражнике Хусаина... О всемогущий Аллах, почему ты допустил это?!

Неслышные слёзы потекли по бледным щекам молодой женщины. Она плакала в безмолвном своём горе, ссутулив хрупкие плечи и желая только одного – умереть до момента, когда услышала о позорном падении своей любимой сестры.

Глава 13

А в Тронный зал дворца уже прибыли последние гости и с минуты на минуту должны были объявить о начале пира. Сэрби-ханум не находила себе места. В волнении она так дёргала свой роскошный золотой браслет, что, в конце концов, сломала его, пот градом тёк по тучному лицу женщины, оставляя тёмные бороздки среди слоя белил и румян.

– Фатима-солтан, дорогая, – наконец обратилась она к молодой женщине, не отходившей от ханум ни на шаг. – Я очень волнуюсь за солтана Халиля. Моей новестки до сих пор нет, а что если и в самом деле у неё в саду свидание с мужчиной? Я не могу довериться этому никому, вы же понимаете, как это важно, чтобы в подобных делах не участвовали посторонние уши и глаза. Прошу вас, Фатима-солтан, сходите в сад и приведите Нурсолтан в зал, если вы вернётесь вдвоём, это будет так естественно!

– Конечно, уважаемая Сэрби-ханум, вам не стоит так волноваться. Я сейчас же отправляюсь за вашей невесткой.

И ободряюще улыбнувшись пожилой женщине, Фатима-солтан направилась к дверям ханского сада.

В то же самое время солтан Ибрагим, не сводя напряжённого взгляда с бледного лица Нурсолтан, продолжал свою речь:

– Перед вами стоит очень важный выбор, Нурсолтан! Вы можете открыть тайну смерти вашей сестры, но тогда покроете её имя вечным позором, а зловонная грязь сплетен коснётся каждого из ханской семьи, и в первую очередь вас! Вы всегда были очень близки. Что скажут люди, если узнают, что Шахназ

была блудницей? Не обвинят ли в этом же вас?

– Солтан. – Голос, который прервал его пламенные речи, был слаб, но он услышал его и замолчал. – Прошу вас, скажите, кто заставил Шахназ принять яд?

– Как вы могли подумать, дорогая?

Он опустился на скамью рядом с молодой женщиной и осторожно взял её руки в свои ладони. Нурсолтан не отдернула их и воодушевлённый этой маленькой победой, он продолжал:

– Я не знаю, откуда у Шахназ оказался яд. Должно быть, она была очень напугана, раз решилась на такой отчаянный шаг. Она не знала, бедная моя девочка, что я не причиню ей вреда, что я никому не сообщу об её измене. Конечно, не могло быть и речи о полном прощении. Она оскорбила меня и растоптала мою любовь! Я думал отправить её в загородное имение, пока не зарастёт рана, нанесённая в самое сердце. Но Шахназ решила иначе! Когда я вошёл в её покои и увидел, как жестоко она мучается, я окаменел. Я не помню, что говорил и делал тогда, я был не в себе, и, если в вашей холодности виновато моё поведение в тот день, прошу простить меня, Нурсолтан, но я не ведал, что творю.

В следующее мгновение солтан Ибрагим понял, что провёл блестящую партию и добился своего, потому что Нурсолтан, крепившаяся до этой минуты из последних сил, разрыдалась и упала в его объятия. Утешая, он прижимал её к себе всё теснее, шептал на ушко ласковые успокаивающие слова, гладил вздрагивающую от плача женскую спину, тепло которой, казалось, насквозь прожигало его ладони. «О Аллах, – думал он, наслаждаясь преступными ласками своими. – Эта женщина подобна жемчужине, разгоняющей в сердце печаль и горе, и заботу. Эта женщина может сделать безумным самого рассудительного. Ради обладания её красотой я сверну горы и уничтожу все препятствия на своём пути, и она станет моей, и мне всё равно, кто поможет мне в этом: Всевышний, или сам Иблис!»

Оба они и не заметили Фатимы-солтан, притаившейся за раскидистым кустом жасмина. Супруга Ибрагима едва не распласталась на земле, увидев мужчину, в чьих объятиях покоилась жена наследника. Кусая край покрывала, чтобы не закричать, женщина разглядывала лицо своего мужа. Закрытые глаза солтана Ибрагима и блуждающая на губах улыбка указывали только на одно: её супруг трепетал от любовной страсти, охватившей его с такой силой, что он не видел и не слышал ничего вокруг. Весь его мир в этот миг крутился около женщины, которую он крепко прижимал к себе. Пригнувшись к сырой земле и пачкая ладони и свой наряд, Фатима-солтан поползла назад. Слёзы текли по щекам молодой женщины, обжигали горевшее лицо. Фатима-солтан обтирала их ладонями, размазывала землю по щекам и даже не замечала этого. Ей хотелось только одного: добраться незамеченной до Сэрби-ханум и на груди ханши выплакать свою жгучую обиду.

– Мой господин, это неслыханно! Бесстыжая ногайка навлечёт позор на нашу голову! А что будет с нашим мальчиком, с нашим Халилем?! Я умираю от одной только мысли, что ему станет известно о встречах Нурсолтан с Ибрагимом!

Сэрби-ханум выхватила из своих необъятных карманов шёлковый платок и шумно высморкалась.

– Сделайте же что-нибудь, мой муж, скажите, что вы накажете ногайку. Я умоляю вас! Откройте же колчан вашей власти и вложите стрелу наказания в тетиву вашего гнева!

Мать наследника уставилась на молчавшего супруга. Она попросила аудиенции у него сразу, как только закончился праздничный пир. В атмосфере разгульного веселья она надела на лицо вымученную улыбку и желала лишь одного: добиться у мужа права наказать невестку.

Нурсолтан явилась из сада следом за солтаном Ибрагимом, она выглядела бледней, чем обычно, но мало кто

обратил на это внимание. Не обратила бы внимание и Сэрби-ханум, если бы служанка не вызвала её на женскую половину, где казанскую ханум ожидала заплаканная Фатима-солтан. С первых же её слов Сэрби-ханум схватилась за сердце, и с трудом нашла в себе силы вернуться на пир. Она испепеляла взглядом ненавистную невестку, но, поймав недоумённые взгляды придворных, опустила глаза. Она с трудом дождалась, когда хан покинет празднество, и отправилась следом.

Сейчас Сэрби-ханум не отводила глаз от царственного супруга, она ждала от него немедленных действий, ждала бури возмущения и гнева, такой же сильной, какая пылала в её груди. Но Махмуд молчал, ставя своим непредсказуемым поведением в тупик жаждущую мести ханум.

– Дозвольте, мой господин, – не в силах выдержать пытки ожидания Сэрби-ханум придвинулась ближе к супругу. – Дозвольте, и я велю пригласить Нурсолтан в вашу приёмную. Не давайте ей время на то, чтобы придумать оправдание, мы должны потребовать от неё объяснений немедленно!

– Нет.

Тихий голос хана прозвучал как окрик, и женщина послушно замолчала, привычно опуская голову, но всё же исхитряясь одним глазом поглядывать на мужа. Хан Махмуд тяжело опёрся на резные подлокотники канафэ.

– Этот день был слишком тяжёл для нас всех, Нурсолтан с Халилем уже удалились в свои покои, и я не хочу беспокоить их из-за обычных бабьих сплетен.

– О мой господин! – Сэрби-ханум даже покраснела от негодования. – Что вы называете сплетнями? То, что бедная Фатима-солтан видела своими собственными глазами?! Её отпаивали успокоительными настоями, а потом увезли домой, потому что солтанша была не в состоянии пойти на пир. Не забывайте, что она только недавно оправилась от родов! Какое это испытание для женщины, с достоинством исполнившей супружеский долг и при-

нёсшей своему супругу крепких и здоровых детей. Солтану Ибрагиму вздумалось совращать жену своего брата на её глазах! А Нурсолтан открыто принимала его ухаживания! О Аллах, как можно называть подобное бабьими сплетнями, одумайтесь, муж мой, примите справедливое решение сегодня же! Может случиться так, что завтра будет уже поздно!

– Сэрби-ханум, я уже сообщил вам, что не желаю беспокоить наследника и его супругу сейчас. Я не желаю заниматься сегодня никакими делами, какими бы важными они вам ни казались. Я желаю, чтобы вы удалились к себе и позволили слугам приготовить меня ко сну!

И не удостоив свою супругу даже взглядом, старый хан рывком распахнул двери своих покоев.

Спустя час, лёжа на широком ложе, казавшемся слишком большим для него одного, Махмуд вернулся мыслями к тому, о чём сообщила Сэрби-ханум. Ему нелегко далось спокойствие и равнодушие, какие он разыграл перед ханум. Слова старшей жены, словно кинжал, вонзились в его измученное сердце. Что же на самом деле произошло этим вечером в саду? Как он хотел бы знать правду! Правду, которая не покоится на домыслах и догадках истеричных женщин, а ту, настоящую, какой она была. Он не верил, что Нурсолтан могла изменить Халилю. Сердце хана чувствовало: девочка не способна на подобную низость. Но на это был способен Ибрагим! Хан знал: у его второго сына чёрная, завистливая душа, доставшаяся тому от матери. Как же он сожалел, что давно, когда мальчик был мал, не догадался оторвать Ибрагима от матери и воспитать его вдали от её злобных нащёптываний. Она успела внушить сыну, что Халиль отнял у него всё, что должно было принадлежать Ибрагиму. Она с раннего детства уверяла мальчика, что слабый Халиль не доживёт до совершеннолетия и нога его никогда не ступит на трон Казани. Она мысленно примеряла на своего сына Ханскую шапку, и даже теперь, проживая в отдалённом

имении, куда хан уснул интриганку, она тайно сносила с Ибрагимом и заклинала его любыми способами добиваться высшей власти.

Хан Махмуд знал об этом, его шпионы не раз доставляли ему письма Камал-бикем, письма, дышащие тлеющим ненависти и толкавшие Ибрагима на путь насилия. Знал хан, что и сам Ибрагим не смирился с решением отца. Младший сын мечтал о власти, он желал захватить после смерти отца трон Казани, отняв его у Халиля. А если он желает отнять трон у старшего брата, почему бы ему ни пожелать отнять и жену, тем более такую жену, как Нурсолтан. Старый хан прикрыл ладонью утомлённые глаза. Как тяжела ноша, которую он несёт! «О, Всевышний, помоги справиться с этим делом, помоги не наделать ошибок, не допусти несправедливости!» Защемило сердце, и он осторожно переместил руку на грудь, боль не отпускала, захватывая бьющийся комок человеческой плоти в тесные тиски, и одинокая мысль пронеслась в голове: «А что, если я умру этой ночью в своей постели, что случится тогда с Нурсолтан, с Халилем, с Казанью?... О, не допусти, всемогущий Аллах! Помоги мне пережить эту ночь!»

Глава 14

Сэрби-ханум всю ночь промучилась тяжёлыми сновидениями, а с утра отправилась в бани. В искусно продуманной атмосфере восточной бани, где всё было призвано очистить и расслабить тело и душу, старшая госпожа гарема надеялась позабыть о Нурсолтан и запретах своего царственного супруга. Непокойная ночь породила в голове почтенной женщины новые тяжёлые подозрения: «Почему великий хан так защищает ногайку, даже теперь, когда ему представили доказательства вины в самом худшем из грехов, какому может поддасться женщина? Не означает ли это, что хан Махмуд сам влюблён в свою невестку?»

От этих мыслей в голове Сэрби-ха-

нум вскипела кровь, она почти не помнила, как сопровождаемая эскортом прислужниц вошла в ханскую баню. Казанская госпожа сидела в предбаннике, тяжело опустив руки и почти не ощущая, как ловкие служанки раздевают её, как щебечут на разные лады, пытаясь развлечь хозяйку. Тонко скрипнула дверь, соединяющая раздевальню с большим залом, в предбанник вошла старшая служанка Нурсолтан Жиханара. Эту высокую смуглую женщину с раскосыми глазами казанская ханум сама представила к своей невестке, и Жиханара исправно доносила могущественной госпоже обо всём, что интересовало Сэрби-ханум. И сейчас, едва завидев госпожу, Жиханара, склонившись в подобострастном поклоне, подобралась к её уху.

– О моя повелительница, ваша невестка с раннего утра пожелала посетить бани и сейчас находится в парильне.

Сэрби-ханум, словно очнувшись, поднялась со своего места и грузной ногой ступила в самое обширное помещение бани. Баня при ханском дворце была построена по проекту турецкого хамама¹, напомилавший ладонь с пятью расставленными пальцами. В каждом из помещений строго выдерживалась определённая температура, что служило постепенному привыканию тела к повышенным температурам. Сэрби-ханум, пренебрегая всеми правилами помывки, не задерживаясь в мион-сараях² шагнула в парильню. Пар окутал госпожу прозрачными клубами, перехватив дыхание, но это не остановило почтенную ханум. Нурсолтан находилась там, а рядом суетились прислужницы с керамическими баночками в руках. От баночек исходил густой запах мёда, настоянного на травах. Не сводя тяжёлого взгляда с невестки, Сэрби-ханум нетерпеливо щёлкнула пальцами и указала

¹ Хамам – особый тип бань, преобладавший в восточных странах.

² Мион-сарай – так именовался самый большой зал в хамаме, вмещающий в себя бассейны и фонтаны.

прислужницам на дверь. Тех сдуло как ветром. Даже в этом пышущем жаром помещении Нурсолтан ощутила огонь ненависти, исходившей от матери её мужа. Она давно предчувствовала, что недоброжелательность старшей госпожи гарема когда-нибудь выльется в открытую ссору. Нелегко было осознать, что она так и не смогла найти общего языка с матерью Халилия, с женщиной, с которой они могли и должны были быть союзницами. В отношении Сэрби-ханум к ней нетрудно было разглядеть обычную ревность матери к сыну, а может, и кое-что большее.

Нурсолтан поднялась со скамьи, стараясь быть спокойной, и доброжелательно произнесла:

– Госпожа, пусть Аллах позволит мне взять ваши печали. У вас очень усталый вид, вы хорошо спали сегодня?

Произнеси она любые другие слова, и то они не взорвали бы так Сэрби-ханум. Побагровев ещё больше, мать наследника возопила:

– Должно быть ты, исчадие ада, спала превосходно! За один день вкусить любви двух мужчин могла только такая блудница, как ты! Как смела ты после объятий Ибрагима предстать перед своим супругом с невинным видом, как могла без стыда смотреть в его глаза?!

Нурсолтан молчала, оглушённая яростью старшей госпожи и обвинениями, заставшими её врасплох. Что скрывалось за этой тирадой Сэрби-ханум, о какой измене, о каком блуде она упоминала? Она не могла ослышаться, мать Халилия назвала имя Ибрагима! Ибрагим... И тут же всплыло воспоминание о вчерашнем вечере, его объятия, когда он пытался утешить её, захлёбывавшуюся в рыданиях. Значит, кто-то увидел их в саду в тот момент и придал всему происходившему совсем иную окраску, а сейчас об этом стало известно и Сэрби-ханум. Нурсолтан невольно стиснула край холщового покрывала, туже стягивая его на груди, словно желала этим движением укрыться от ярости ханум, от сплетен ханского двора, добравшихся и до неё. О Аллах, а если об этом

станет известно Халилию и самому хану? Как же ей быть, как вести себя, как доказать, что она невинна?!

А Сэрби-ханум, сотрясая горячий воздух парильни кулаками, всё продолжала кричать:

– Пусть гнев Всевышнего обрушится на твою голову, а блуд обернётся саваном для тебя. Будь проклята, дочь порока, будь проклята навсегда! Как слеп мой сын и великий хан! Они не видят, несчастные, кого допустили до своего сердца!

Сэрби-ханум неумолимо надвигалась на молодую женщину, протягивала вперёд жадно скрюченные пальцы, готовясь вцепиться в незащитное горло невестки. Она мощным телом перекрывала спасительную дверь, и испуганная Нурсолтан, вынужденная отступить под яростным натиском, спустя мгновение почувствовала, как спина упёрлась в покрытую горячими каплями стену. Мать Халилия с перекошенным от гнева лицом шагнула к невестке, зажатой в угол, замахнулась, и вдруг лицо побагровело ещё больше. Тучная женщина хватанула беззвучным ртом раскалённый воздух парилки и медленно осела на деревянные плахи, которыми был выложен пол.

Нурсолтан растерянным взглядом окинула распростёртое тело, но в следующее мгновение ноги уже несли молодую женщину к дубовым дверям. Она рассердилась, застав служанок за бездельем и сплетнями.

– С вашей ханум случилось несчастье. Не стойте же, как бесчувственные пни, бегите за знахаркой! А вы помогите мне вынести Сэрби-ханум, госпоже нужен свежий воздух! Да, пошевеливайтесь, каждая минута дорога!

Нурсолтан вздохнула с облегчением, лишь когда в раздевальне появилась знахарка. Её уверенные распоряжения всех привели в чувство. Старшую госпожу обернули в покрывала и понесли на женскую половину, где больную ожидал таиб, допущенный до лечения ханской семьи. А Нурсолтан отправилась в свои покои. Там в тиши и спокойствии она

хотела разобраться в свалившихся на неё несчастьях, но прежде отправила невольницу к Сэрби-ханум выяснить, как чувствует себя почтенная госпожа. Невольница вернулась с неожиданным сообщением: таибб сообщил, что Сэрби-ханум хватил удар, и она едва могла шевелиться и говорить.

Нурсолтан отправилась на поиски мужа, понимая, как необходимо ему сейчас участие и сочувствие. Она нашла солтана Халиля в саду. Наследник ханского престола показался ей тихим и спокойным, только печаль и тоска вновь засветились в его глазах. Ей был знаком этот отрешённый вид, эта усталая согнутая спина, это нежелание жить и бороться. Сейчас солтан был похож на себя прежнего, того, каким он был полгода назад до встречи с Нурсолтан. Скрываясь за пышно расцветшими кустами, молодая женщина в отчаянии кусала губы. Неужели всё тщетно: долгие беседы, бесконечные приёмы, устраиваемые ханом-отцом, их общие усилия помочь Халилю обрести уверенность в себе, заставить мыслить как государственного мужа, будущего правителя. Стоило произойти очередному несчастью, как Халиль опять замкнулся в себе, в своих переживаниях.

Нурсолтан поймала себя на мысли, что не может выйти из убежища и предстать перед мужем. Обвинения, брошенные ей в лицо матерью солтана, словно пудовые гири, приковали ноги к земле. Что если и до Халиля дошли эти нелепые слухи, и из-за них, а не из-за болезни матери, находится молодой солтан в таком состоянии. Хан Махмуд никогда не простит ей этого! Какой позор! Позор, в котором она совсем не виновата, а оттого не находит слов в своё оправдание. Нурсолтан так и не поняла, какая сила вынесла её навстречу Халилю, она опустилась на колени перед мужем. Сейчас молодая женщина сама отчаянно нуждалась в утешениях, какие он ждал от неё. Полными слёз глазами Нурсолтан глядела в лицо мужа, ждала проклятий, презрения или прощения... А Халиль вдруг опустился на колени

рядом с ней и молча уткнулся в плечо жены. Она ощутила, как горячие слёзы смочили шёлковую материю кулмэка, а ухо обжёт торопливый шёпот:

– Нурсолтан, моя мама... она не умрёт?

Внезапное облегчение снизошло на молодую женщину, она притянула к себе лицо мужа, тихими поцелуями осушая его слёзы:

– Аллах не допустит этого, Халиль, мы будем молиться за неё!

А про себя думала другое: «О, благодарю тебя, Всевышний, за то, что грязные слухи не дошли до моего супруга. Прошу, будь милосердным ко мне и дальше! Не допусти, чтобы зло восторжествовало!»

Глава 15

Наутро Нурсолтан была приглашена в покои хана-отца. Впервые она ступила на порог ханской приёмной со страхом в сердце. Что ждало её за этой дверью: град обвинений и оскорблений, таких же, какими наградила свою невестку казанская ханум, или душевная беседа дочери с отцом, какая происходила между ними до сих пор?

Старый хан встретил невестку, как всегда, радушно. Поинтересовался её здоровьем. Нурсолтан отвечала едва слышно, боясь поднять глаза на правителя, и хан Махмуд сразу почувствовал эту перемену, произошедшую с невесткой.

– Тебя что-то беспокоит, дочь моя? Может быть, хочешь поговорить, прежде чем мы займёмся делами, ради которых я пригласил тебя?

Участливые слова старого хана заставили Нурсолтан ещё сильнее сжаться в канафэ, словно она ожидала пощёчины. С великим трудом заставила она себя вскинуть глаза на отца Халиля.

– Мой господин...

Запутавшись в собственных словах, она беспомощно уронила край кисейного покрывала, который до этого нещадно теребила в своих руках. Нежданные слёзы хлынули из глаз, заставляя ощу-

тить себя самым несчастным существом на свете.

Хан Махмуд с тяжёлым вздохом поднялся со своего места, заложив руки за спину, в задумчивости прошёл по своей приёмной, давая молодой женщине время справиться со своими слезами.

– Я не хочу ни о чём расспрашивать тебя, Нурсолтан, – остановившись рядом с невесткой, медленно проговорил он. – Однажды открыв перед тобой двери доверия, я не закрою их сейчас. Ты напрасно мучаешь себя, твои сомнения делают тебя слабой, а тебе нельзя быть слабой. Ты должна быть сильной вдвойне – и за себя и за Халиля. Ты всегда должна помнить об этом, Нурсолтан! Ложь и клевета отравляют нашу душу. Они делают жизнь невыносимой, но ты должна быть выше этого. Посмотри на меня, девочка моя! – Хан властной рукой заставил Нурсолтан вскинуть залитое слезами лицо. – Я никогда больше не должен видеть этих слёз! Я приказываю тебе быть сильной!

И невольно подчиняясь властному голосу хана, Нурсолтан поднялась с канафэ, ощущая, как начинает гореть лицо от внезапно высохших слёз. Она отёрла лицо руками, движением этим разом остановившая и дрожание губ, и всхлипы, вырывавшиеся из пересохшего горла.

– Скажите мне только одно, повелитель, как спастись от превратностей судьбы? Что мне делать, если слухи эти, подобно отравленному смраду, дойдут до супруга моего – солтана Халиля?!

Голос её был взволнованным, и хан, стараясь успокоить её, взял руку Нурсолтан в свои узловатые твёрдые ладони.

– Халиль, моя девочка, совсем не глуп. Если слухи и дойдут до него, он никогда не поверит в эту ложь. А ты укрепи свою душу и не бойся ничего, – хан Махмуд кивком головы указал Нурсолтан на канафэ, приглашая её присесть. – Сегодня утром я распорядился отправить солтана Ибрагима в инспек-

цию по даругам.¹ Думаю, до конца года мы едва ли увидим младшего солтана в столице. И сделал я это не только ради того, чтобы пресечь сплетни, я желаю, чтобы Ибрагим был как можно дальше от Казани. Он слишком опасен для Халиля, он – сильный соперник! А я всё чаще чувствую дыхание смерти. Однажды ночью я могу не проснуться, и тогда Нурсолтан от тебя потребуются большая сила воли, чтобы довести всё задуманное нами до конца.

– Но, мой хан, не слишком ли много вы требуете от меня, я всего лишь женщина.

– Ты будешь не одна, хочу познакомиться тебя с твоим союзником. С человеком, в которого я верю, с человеком, который, как и я, желает видеть Халиля на казанском троне. И я думаю, что в вас обоих, если вы будете действовать сообща, есть сила, способная справиться с любым злом.

Нурсолтан, заинтригованная словами старого хана, поднялась со своего места.

– Кто же этот человек, мой господин?

Хан Махмуд улыбнулся:

– Ты должна его помнить, моя девочка. Хочу сказать, что по твоей вине он чуть не лишился головы и провёл полгода в опале. Но это не изменило ни его души, ни его верности мне и моему сыну Халилю.

Хан хлопнул в ладоши, призывая нукера, дежурившего за дверью приёмной:

– Пригласите моего гостя!

Во все глаза смотрела Нурсолтан на распахивающиеся створки дверей, а за ними оказался бек Шептяк. Она почувствовала, как подпрыгнуло её сердце в груди. Этого человека она когда-то видала во всех своих бедах. Это он, как чёрный коршун, явился за ней в Ногайскую степь и вырвал из рук Менгли. Это он решил, что дочь Тимера Нурсолтан должна стать женой солтана Халиля. Но она не могла не признать правоту

¹ Даруга – область, провинция.

слов хана Махмуда. Этот человек был предан Халилю, и он со своим изворотливым умом и силой воли мог стать надёжной опорой и будущему хану и ей, будущей ханум.

Бек Шептяк поприветствовал своего господина и почтительно склонился перед Нурсолтан:

– Я счастлив видеть вас, дочь могущественного Тимера, в добром здравии!

Нурсолтан заставила себя улыбнуться:

– И я приветствую вас, уважаемый бек. Надеюсь, теперь мы будем видеться чаще.

Бек Шептяк огладил крашенную хной бородку, с удовлетворением отмечая изменения, произошедшие в Нурсолтан. Печальная красивая девочка, которую он привёз полгода назад из далёких Ногайских степей, преобразилась в полную жизненных сил, уверенную в себе молодую женщину. Женщину, которая расцвела и похорошела ещё больше. Старый дипломат тонким чутьём угадал и лёгкую неприязнь прошлого за доброжелательной фразой молодой женщины и мирившееся с этой неприязнью желание стать его союзницей. Он ещё раз с почтением поклонился молодой госпоже:

– Я тоже надеюсь, госпожа, что мы будем видеться чаще. И наши встречи послужат во славу общего дела.

А про себя подумал, не отводя от Нурсолтан внимательных глаз: «И может быть, тогда чёрные тени прошлого отступят прочь! Открывши чернильницу милостей, в неё следует налить чернила доброжелательства. Прекрасная солтанша не может не понимать этого».

И Нурсолтан продолжала улыбаться беку:

– Я готова встретиться с вами в любое время, уважаемый Шептяк-бек. Мне хотелось бы больше узнать о наших врагах и друзьях. Коли волею судьбы я вовлечена в вашу борьбу, то желаю знать о ней всё.

– Пусть всё так и будет, прекрасная госпожа. – Царедворец склонился в новом поклоне. – Пусть наши враги ока-

жутся в бездне, а мы наверху достойного положения.

– Так и будет, – тихо ответствовала Нурсолтан.

Оборотившись к задумавшемуся хану, она тронула его за рукав бархатного чапана¹:

– Мой господин, прошу разрешения удалиться. Я обещала моему супругу посетить с ним строящееся медресе. Это дело вы поручили солтану, и он очень ответственно относится к нему.

– Да, медресе, выстроенное на деньги солтана и при его горячем участии, поможет склонить на его сторону духовенство, я очень надеюсь на это.

Хан заложил руки за спину и шагнул к стрельчатому проёму окна, украшенному богатой каменной резьбой. Из этого окна хорошо проглядывалась главная мечеть города, рядом с которой пристраивалось медресе.

– Ты можешь идти, Нурсолтан. Моему сыну не помешает заняться делом, чтобы грустные мысли о болезни матери оставили его.

Боль, явственно прозвучавшая в последних словах хана, остановила молодую женщину у дверей приёмной. Она в нерешительности замялась, вновь почувствовав себя виноватой. Несмотря ни на что, Нурсолтан считала себя невольной виновницей болезни ханум, болезни, которая причинила боль не только Халилю, но и самому хану.

– Мой господин, – решившись, робко промолвила она.

Хан Махмуд оборотился к молодой женщине, нахмурился:

– Ты ещё не ушла?

– Повелитель, – набрав для смелости больше воздуха в лёгкие, Нурсолтан выпалила одним духом. – Несчастье, которое случилось с Сэрби-ханум, в нём виновата я. Как же мне дальше нести бремя вины?

– Я просил тебя, Нурсолтан, выкинуть из головы всё, что не касается благополучия моего сына. Я просил не

¹ Чапан – одежда с длинными рукавами и прямой спиной.

вести счёт болячкам и упрекать себя за чужие ошибки!

Голос старого хана зазвенел и даже Шептяк-бек, ставший свидетелем этого разговора, отступил в тень задрапированного шёлковым балдахинном низкого саке. Нурсолтан склонила голову, но от хана не укрылось, что этим своим жестом она не выражала покорность, а лишь пыталась скрыть от властителя своё несогласие с его словами. Хан Махмуд шагнул к невестке, резким движением руки заставил её вскинуть голову, прищурившись, взгляделся в потемневшую синь женских глаз:

– Никто не смеет перечить мне, Нурсолтан! Я приказал тебе оставить свои сомнения, я желаю, чтобы ты думала только о Халиле...

– Но я и думаю о нём!

Высокий голос женщины прервал хана, и тот замолчал от неожиданности. За последние годы хан Махмуд не помнил, чтобы кто-нибудь посмел прервать его речь. Он не успел решить, что ему предпринять в этой непростой ситуации, а Нурсолтан, вновь опережая его мысли, продолжила:

– Халиль слишком привязан к своей матери. Сегодня мне целый час пришлось утешать его и уверять, что Сэрби-ханум выздоровеет. Но посмотрим правде в глаза, мой господин. Ханская баня в момент несчастья была полна народа. Я сама видела, с каким удовольствием прислужницы смаковали нашу ссору. Госпожа была так несдержанна. Думаю, её крики и обвинения достигли ушей самой последней рабыни. Я не могу быть уверена, что до Халиля не дойдут все эти сплетни. И я не уверена, что Халиль не обвинит меня в болезни своей матери. А если ханум умрёт, он может никогда не простить меня. Я не хочу слушать ваших утешений и уверений, что все сплетни до одной умрут в головах прислужниц, не выйдя на свободу. Я желаю знать: надёжно ли вы скрыли кувшин злоречивых сплетен или уже завтра ненадёжная глина разлетится на куски, и рой слухов вырвется на свободу? Пока я не буду спокойна на

этот счёт, я не смогу вершить задуманные вами дела.

Шептяк-бек, чувствуя, как подкашиваются его ноги, неслышно опустился на край саке. «О Аллах всемогущий! – пронеслось в его голове. – Хан сейчас убьёт дерзкую или прикажет немедленно сослать её!»

И почтенный государев муж, за свою долгую жизнь преуспевший не только на поприще дипломатии, но и не раз водивший воинов в набеги, в жестокие кровавые битвы, закрыл от страха глаза.

В звенящей тишине лишь спустя какое-то время раздалась тяжёлая шага хана, а затем послышался его глухой, словно надтреснутый голос:

– Может быть, ты и права, Нурсолтан, я предпринял слишком мало для того, чтобы заткнуть десятки бабьих ртов, жадных до всяких скандалов. Одних моих указаний и приказов может быть недостаточно. В одном ты можешь быть уверена: ни одна из этих женщин не покидала пределы гарема. Такой приказ был дан главному евнуху.

– Если бы мой господин позволил мне высказать своё мнение, – тихо произнесла Нурсолтан, решившаяся, наконец, отойти от дверей.

– Говори, – не поворачивая к ней головы, коротко приказал хан Махмуд.

– Я бы просила отослать рабынь в отдалённые имения, туда, где до них не смогут добраться наши враги. Мы должны быть уверены, мой господин, что слова, которые они хранят в себе, не будут использованы нашими врагами. И ещё, всемогущий хан, прошу разрешения рассказать обо всём мужу. Я хочу рассказать солтану Халилю всю правду, потому что мне не в чем винить себя, кроме того, что я не смогла вовремя найти слов примирения с Сэрби-ханум.

– Но это невозможно, Нурсолтан, ты противоречишь самой себе!

– Нет, мой господин! Я просто хочу предупредить любые отголоски слухов, которые принесут с собой злую и коварную ложь. Я хочу, чтобы солтан Халиль умел выдерживать удары судьбы, в том числе клевету и ложь! Если

солтану суждено стать правителем Земли Казанской, он не может вечно прятаться за нашими спинами. Поверьте, я всё сделаю для того, чтобы не ранить его. Я верю, Халиль всё поймёт, и тогда слова завистников и недругов, если они вдруг дойдут до него, превратятся в одну большую ложь, которую не примет ни его сердце, ни ум.

В приёмной хана опять воцарилось молчание. Нурсолтан всё ещё стояла, опустив голову в ожидании решения хана, когда казанский господин, коротко переглянувшись с беком Шептяком, наконец кивнул головой:

– Хорошо, я даю своё согласие и полностью доверяюсь в этом деле тебе, Нурсолтан. А теперь ступай, Халиль должно быть, заждался тебя.

Когда за молодой женщиной закрылась дверь, хан Махмуд повернулся к своему верному советнику:

– Не устаю восхищаться этой девочкой! Сколько в ней отваги, ума и рассудительности, а ей ведь только шестнадцать! Что же за кладёзь ума откроется в ней спустя десять, двадцать лет?

– Согласен с вами, мой повелитель. – Шептяк-бек склонился перед старым ханом. – С этой женщиной солтан Халиль сможет стать великим ханом!

Глава 16

Солтан Ибрагим инспектировал ханские даруги седьмой месяц, а хан-отец всё не спешил отзываться его в столицу. Ибрагим свирепел от одной только мысли, что он не имеет права вернуться в Казань без повеления отца. А между тем в столице ханства в любой момент могло произойти событие, которое он ждал много лет. Даже в самых отдалённых городках местные беки и мурзы поговаривали о том, что старый хан совсем болен, и бывало, что придворные не видели своего господина несколько дней. Ибрагим понимал, как важно в момент смерти отца оказаться в Казани. Только тогда он мог рассчитывать на успех, только тогда у него появлялся шанс надеть на свою голову Ханскую

шапку. Если же он вернётся в столицу, когда карачи признают своим ханом солтана Халиля, бороться с законным правителем будет гораздо сложнее. В такой битве легко потерять голову, а своей жизнью Ибрагим дорожил.

Желая смягчить упрямый нрав отца, Ибрагим слал хану Махмуду пространственные письма-отчёты о своём пребывании в Алатуре, Чалыме, с неизменной просьбой в конце: прошу разрешить посетить Казань, чтобы увидеться с женой и детьми. Но не видимая покорность Ибрагима, ни его просьбы не смягчали решения Махмуд-хана держать младшего сына подальше от столицы.

В начале осени скучавшему в Чалыме солтану пришёл приказ: посетить городок Мухши, где правили местные мордовские князья. И Ибрагим, скрепя сердце, отправился к северной границе ханства. В Мухши его застала слякотная осень и распутица, и он пробыл там долгие три месяца. Солтан Ибрагим проклинал серую скучную провинцию, свою бездеятельность, от которой тупел ум, воспитанный в каждодневной борьбе и хитроумных интригах.

Как только установились зимние дороги, солтан направил копыта своего коня в имение Ак-Таш, там проживала его мать – Камал-бикем. Ак-Таш находился в двух днях пути от Мухши, в землях, подвластных казанцам чувашей. Имение, подаренное ханом-отцом своей второй жене, окружали обширные угодья и два аула, в которых смешалось разноязыкое население Казанского ханства. Когда-то Камал-бикем похвалялась богатым даром своего мужа, но вскоре Ак-Таш стал для неё местом ссылки, откуда ей строго-настрога запрещалось выезжать. Так хан Махмуд наказал жену за её горячее желание сделать своего единственного сына Ибрагима наследником казанского трона в обход старшего брата Халиля. Но наказание не остудило амбициозных желаний бикем. Разлучённый с матерью в двенадцатилетнем возрасте солтан Ибрагим постоянно получал от неё письма. Опытная в интригах Камал-бикем

слала свои письма двумя путями. Одни приходили в руки юного солтана через канцелярию хана – это были обычные послания заботливой матери, интересующейся здоровьем своего мальчика и его успехами в учёбе. Совсем иными были письма, которые подкидывались рукой неизвестных посланников под дверь солтана. В них Камал-бикем неустанно напоминала своему мальчику о его происхождении и претензиях на казанский трон. Когда Ибрагим стал старше, мать стала называть в своих письмах имена влиятельных вельмож, к кому мог обратиться молодой солтан, как к своим единомышленникам. Ни Камал-бикем, ни Ибрагим не знали, что часть этих писем перехватывались тайными соглядатаями хана, но даже те редкие весточки, которые доходили до молодого солтана, действовали как взрыв пороха.

Повзрослев, солтан Ибрагим неоднократно навещал свою мать. Он не докладывал об этом отцу, не желая вызвать его недовольства и категорического запрета. Короткие эти встречи влекли его с особой силой. Мать была для него путеводной звездой, она была самым верным союзником и единомышленником. Рядом с ней Ибрагим забывал об осторожности, он мог высказывать самые крамольные мысли, получая взамен живейшее участие и неординарные советы, которые так и роились в голове Камал-бикем. Тайная борьба, которую вёл солтан последнее время, отнимала слишком много времени, и у Ибрагима не было возможности часто видеться с матерью. Последний раз он видел её полтора года назад, теперь же не мог не воспользоваться случаем навестить Камал-бикем.

Когда морозным зимним утром уютный городок Мухши с низкими, приземистыми постройками, припорошенными первым снегом, остался позади, Ибрагим расправил плечи. Никому, даже себе он не мог признаться, как презирал и ненавидел этих местных князьков, в окружении которых он вынужден был жить последние месяцы. Но и пе-

ред ними он вынужден был играть роль участливого, доброго господина, справедливо решающего все их мелкие споры и неурядицы. Теперь всё это было позади, а впереди его ждала встреча с матерью, с которой ему не нужно было притворяться. Мысль об этом согревала солтана всю дорогу.

На второй день пути перед людьми солтана встали изящные постройки Ак-Таша, дремавшего в окружении заснеженного сада. Солтан Ибрагим был удивлён отсутствием стражи, которая всегда встречала его у кованных ворот. Проследовав по занесённым снегом дорожкам к главному входу, солтан вошёл в дом. К покоям матери вела лестница, застеленная пёстрым бухарским ковром, обеспокоенный Ибрагим буквально взлетел по ней. Отсутствие людей и необычная тишина в доме пугали и беспокоили его. Но в комнатах бикем он услышал неясный шум и женские голоса. Распахнул двери и тут же оказался в объятиях матери. Камал-бикем властным окриком отослала прислужниц, упаковывающих кожаные сундуки. Ухватив сына за руку, мать как маленького потянула его за собой, в глубь комнаты.

– Мальчик мой, сам Аллах прислал мне тебя. Ты сможешь сопровождать меня до Казани?

– До Казани?! Я не ослышался, многоуважаемая бикем?

– Бикем? – Женщина презрительно дёрнула плечом. – Держи выше, мой дорогой Ибрагим-солтан, уже полмесяца как я – казанская ханум!

– О чём вы говорите, мама?

– Не знаю, откуда ты прибыл, мой любимый сын, но важные вести обошли тебя стороной. Пошёл двенадцатый день, с тех пор, как в столице скончалась Сэрби-ханум, и теперь я стала законной ханум. Смерть соперницы открыла мне двери, которые когда-то захлопнул мой муж. Законная ханум должна проживать в Казани, рядом со своим облечённым властью супругом. Хан Махмуд забыл меня об этом уведомить, но я сделаю ему подарок, появившись в Казани. Этот безмозглый оглан Агиш не пожелал по-

виноваться мне и сопроводить с почётной охраной в столицу. Мне пришлось прогнать верного пса моего супруга и пригрозить ему зинданом, как только я вступлю в свои законные права. Я всё утро ломала голову, как мне уехать из Ак-Таша без охраны, как наш всемогущий небесный Покровитель, вечная слава Ему, услышал мои молитвы и послал мне тебя. Под охраной своего сына-солтана я въеду в ворота Казани с особым почётом. Желаю, чтобы мой въезд был самым роскошным из тех, что когда-либо видели казанцы. Пусть видят все: я не просто казанская ханум, я – мать будущего хана!

– О мама, ваши слова слаще халвы! Давно я не слышал новостей столь радостных и приятных моему сердцу. Но я не так отважен, как вы. Хан не давал мне разрешения возвращаться в Казань. Как он посмотрит на то, если я появлюсь в столице?

Камал-бикем задумалась, постукивая ножкой в изящной парчовой туфле по толстому зелёному ковру. Наконец, она решительно тряхнула маленькой головкой, увенчанной копной всё ещё густых и прекрасных волос:

– Ты верно рассудил, сын, не время ещё перечить хану! Я слышала, наш всемогущий повелитель болен и слаб, но карачи по-прежнему безоговорочно слушаются его. Видно, сказывается многолетняя привычка. Махмуду не трудно будет уничтожить тебя за непослушание, он всегда обладал сильной волей и был необуздан в своём гневе. Это просто счастье, что солтан Халиль не обладает и половиной характера моего дорогого супруга. Решено, сын, ты проводишь меня до Алатура. Местный бек обязан мне многим, он и даст мне охрану до Казани. А ты останешься в Алатурской крепости и будешь ждать моего гонца. Я буду слать тебе вести из ханского дворца. А когда пошлю тебе вот этот перстень, – Камал-бикем указала на массивный перстень с кровавым рубином, украшавший её смуглую руку. – Ты должен будешь день и ночь, меняя коней, мчаться в столицу. От бы-

строты твоего приезда будет зависеть многое!

Камал-бикем поднялась, громко окликнула рабынь:

– Эй, бездельницы, подайте обед могущественному солтану и позаботьтесь, чтобы и его люди были накормлены. После полуденной молитвы мы должны отправиться в путь.

В конце месяца зуль-каада 897 года хиджры¹ ослабевший хан Махмуд, не покидавший своего ложа, принимал Камал-бикем. Он не видел матери Ибрагима больше десяти лет, и нашёл, что время не пощадило новую хозяйку гарема. Тридцативосьмилетняя женщина погрузнела, потеряв стройность стана и юную округлость лица. Но неизменными остались чёрные раскосые глаза и густые брови, сросшиеся на переносице. И голос остался всё тот же – голос властной женщины, не терпящей узды. Годы ссылки совсем не изменили её души, и для этого хану совсем не обязательно было заглядывать в глаза второй жены и разговаривать с ней. Уже много лет он вёл с ней безмолвный разговор, когда читал очередное тайное послание Ибрагиму. Он упрекал свою жену за вероломство, за нежелание смириться с действительностью. Вспылив, он дважды пытался сделать заключение Камал более жёстким и невыносимым, но каждый раз останавливался, не желая причинять боли Ибрагиму. Она ничего не знала об этом, и не испытывала страха перед наказанием, которое не раз нависало над её неразумной головой. Как хотелось хану Махмуду швырнуть ей в лицо эти письма, хотелось взглянуть, как поведёт она себя, узнав, что он всё знает о заговоре, который возглавляет Камал. Но болезнь отняла последние силы, и хан ничего не желал, – только лежать, не двигаясь, пока терзающая боль не накинута на старое усталое тело.

Он молча слушал речи новой ханум, как всегда, полные яда и иронии. Камал нашла тысячу неполадок во всех порядках, какие царили в гареме при Сэрби-ха-

¹ Декабрь 1466 года.

нум. Для начала она желала перестроить комнаты, набрать новый штат евнухов и прислужниц и распродать наложниц, которые, с улыбкой заметила она, лишь напрасно едят лепёшки с ханского стола. Махмуд не желал спорить со сварливой женщиной, в запасе у которой всегда была сотня жалящих слов, на случай если ей начинали противоречить. Десять лет назад у него были силы призвать её к порядку, сейчас же он был слишком болен, а его измученное приступами сердце не позволяло даже повысить голоса. Он устало махнул рукой, позволяя Камал привести свой порядок в гареме. Как бы он этому не противился, но Камал стала казанской ханум и имела право быть полноправной хозяйкой в гареме.

Камал-ханум покинула покои старого хана с улыбкой на губах. Она приходила сюда с одной целью: узнать, так ли силён её венценосный супруг и каково истинное состояние его здоровья. Увиденное превзошло самые лучшие ожидания ханум.

А хан, оставшись один, смежил опухшие веки. Ему хотелось только одного: «спать!». Жизнь превращалась для него в одну длинную, мучительную ночь, полную боли и кошмаров. Спустя ещё четыре дня ранним зимним утром гонец от Камал-ханум оседлал горячего жеребца и направил его к городским воротам, ведущим в Алатур. На груди гонца, в кожаном мешочке, находился перстень с рубином. Для Ибрагим-солтана этот знак означал одно: хан Махмуд отправился к вратам Аллаха, и ханум Камал ждала своего сына в Казани.

ЧАСТЬ 2

Глава 1

В морозное утро 15 дня месяца мухаррам 898 года хиджры¹ всё население столицы, от мала до велика, высыпало на улицы. Народ ожидал грандиозного зрелища. На площади разожгли костры,

¹ Февраль 1467 года.

чтобы желающие могли погреться. Но таких находилось немного, все боялись пропустить начало церемонии и, не смотря на крепчающий мороз, притоптывали на месте валяными галошами². В толпе среди простого люда, одетого в овчинные тулупы, нарядными бешметами выделялись купцы и владельцы аулов, сотнями приехавшие в эти дни в столицу. Среди доброжелательно настроенных людей можно было заметить мирно беседующего кузнеца с казаком, и степенного муллу, перебиравшего озябшими пальцами чётки, он благосклонно кивал в знак согласия восторженным речам уличного торговца. Вездесущие мальчишки, подставляя друг другу спины, обтянутые ветхими тулупчиками, ухитрялись забраться на высокие ограждения. Оттуда, щебеча, как стайка взбудораженных воробьёв, они громко объявляли обо всём, что открывалось их взору. А все вокруг обсуждали только одну, главную новость дня: сегодня наследник покойного хана Махмуда солтан Халиль вступал в законные права хана Земли Казанской. И вскоре в главной мечети города должна была произойти церемония «хан кутэрмэк»³.

Главная мечеть города уже наполнилась лицами духовного звания – хафизами⁴, муллами и даншимендами⁵. Среди их строгих белоснежных чапанов яркостью и богатством одежд выделялись знатнейшие вельможи ханства – беки и мурзы. От яркой радуги разноцветного бархата, шелков, дорогих мехов, искрящихся в свете многочисленных свечей, драгоценных камней, в изобилии усыпающих одежды знати, рябило в глазах. Нурсолтан, волнуясь, оглядывала стройные ряды будущих своих подданных, взгляд задержался на четырёх карачи, стоявших во главе

² Валенные галоши одевались поверх ичиг или же суконных или холщовых чулок (тула оек) в зимнее время.

³ Хан кутэрмэк – букв., поднять хана. Церемония восшествия хана на престол, идущая со времён Чингиз-хана.

⁴ Хафизы – профессиональные чтецы Корана.

⁵ Даншименды – учителя, наставники.

праздничной толпы. Они – отпрыски знатных золотоордынских родов, решили на днях судьбу солтана Халиля. Они и сеид Мухаммад, взошедший в эту минуту на высокий помост, чтобы оттуда провозгласить праздничную хутбу¹. Нурсолтан оправила одежды, проверила, достаточно ли плотно прикрыто лицо. Сегодня она впервые, с особой тщательностью, выбирала свой наряд, ей пришлось приказать служанкам нанести больше белил на лицо, чтобы скрыть румянец волнения. Но содержимое никаких баночек и коробочек из москательной лавки не могло скрыть счастливого, победного блеска её глаз. Ощущение полного триумфа приводило её в такой восторг, что молодой женщине хотелось смеяться без умолку и делиться со всеми окружающими своим счастьем. Только ей и ещё Шептяк-беку было известно, каких невероятных усилий стоило то, что должно было произойти через несколько минут в главной мечети города.

В мыслях Нурсолтан всплыл весь этот суматошный бессонный месяц, месяц, начавшийся с кончины всемогущего хана Махмуда. Ей не удалось достойно оплакать смерть близкого человека, с первого же дня пришлось вступить в жесточайшую борьбу с вездесущей ханум Камал. Направляемая Шептяк-беком, Нурсолтан заручалась поддержкой карачи, знатных вельмож, сеидов и мулл. Одним обещались богатые дары, другим – земли, третьим – тарханские ярлыки для повзрослевших сыновей. Нурсолтан помогало то, что благодаря звериному чутью старого дипломата она всегда на один шаг опережала людей ханум Камал и солтана Ибрагима. Результатом этой скрытой и напряжённой борьбы стало последнее заседание казанского дивана, где трое из четырёх эмиров и сам казанский сеид избрали своим ханом солтана Халиля. И лишь один член дивана – карачи Абдул-Мумин заявил о своём протесте. Помогло солтану Халилю и то, что мне-

ние большинства дивана сложилось ещё при жизни хана Махмуда. Покойный правитель за время своего двадцатилетнего царствования приучил карачи во всём соглашаться с его мнением. А хан Махмуд назвал своим наследником и преемником казанского трона солтана Халиля. Чувствуя за спиной незримую тень бывшего господина, члены дивана были покорны воле покойного Махмуда.

Немалую поддержку оказал и казанский сеид Мухаммед. Почтенный старец не забыл заслуг молодого солтана, выстроившего на свои деньги хануку для дервишей и медресе при главной мечети. Сегодня Нурсолтан с благодарностью вспоминала мудрого хана Махмуда, поручившего сыну эти угодные Аллаху и его служителям дела. Вспоминала она, как часто хан заставлял Халиля выезжать на улицы города, где солтан принимал от казанцев жалобы. С разбором дел не задерживались, жалобщики призывались во дворец, где молодой солтан вместе с супругой творил справедливый суд. Особо сложные дела отправлялись на суд главного кадия, а иногда и самому хану. И жалобщики, казанцы из бедных слоёв населения, благодарили наследника за отзывчивое и доброе сердце, радуясь уже тому, что жалоба достигла подножек трона и была услышана всемогущим ханом. Сейчас этот простой люд, заполонивший площадь Кремля и все примыкавшие к ней улочки, выкрикивал бесконечные здравицы в честь будущего хана и наполнял сердца вельмож, толпившихся в мечети, уверенностью в правильном выборе. Халиль вступал на казанский трон, любимый простым народом и признаваемый всемогущими карачи.

Когда в мечеть в сопровождении ближайших родственников по мужской линии вошёл солтан Халиль, по обширному залу прокатился одобрителный гул. Будущий хан выглядел, как никогда, уверенным в себе и сильным. Он был невысок, но прямой стан и красиво посаженная голова компенсировали этот недостаток. Старейшие беки и мурзы,

¹ Хутба – проповедь.

знававшие хана Махмуда в молодые годы, улыбаясь, с одобрением твердили друг другу:

– Он так похож на всемогущего хана!

– Благодарение Аллаху! Сын весь в отца...

– Аллах да пребудет с ним!

Нурсолтан от волнения привстала на цыпочки, чтобы разглядеть продвижение мужа среди толпы доброжелательно настроенных вельмож. Она не пропустила ни одного действия из церемонии избрания хана, гордилась и радовалась вместе со всеми. И уже с небольшого балкончика, откуда все высокородные женщины наблюдали за церемонией, Нурсолтан видела, как четыре эмира золотоордынских родов подняли хана на золотой кошме над своими головами и понесли на площадь. Она услышала, как многотысячная толпа взревела от восторга. А вдали от неё над головами людей плыл избранный ими хан, осыпая головы своих подданных монетами.

По щекам Нурсолтан катились слёзы радости, которые она не в силах была сдержать:

– Благодарю тебя, всемогущий Аллах! Благодарю тебя, Земля Казанская! Благодарю за свершившееся!

За празднествами, длившимися целый месяц, начались будни. С приходом к власти нового хана ничего не изменилось в жизни Казанского государства. Хан Халиль во всём следовал политике отца. В ханстве царил мир, процветала торговля, и вельможи, избравшие Халиля ханом, остались довольны своим выбором. Первый гром прогремел ранней весной, когда перед казанским диваном встал вопрос о замужестве вдовствующей ханум Камал. Минул идде – срок, по истечении которого Камал-ханум могла выйти замуж во второй раз. По обычаям предков, вдову брал в жёны брат покойного. В случае с Камал-ханум это был младший брат Махмуда – хан Касим, правивший на Мещере. Казанский диван решил дать за ханум земли, находящиеся на границе с Касимовским княжеством. И дело было уже решено, но к общей досаде слово взял давний

союзник Камал-ханум карачи Абдул-Мумин.

Когда поднялся этот сухощавый чернобородый эмир, Нурсолтан, присутствовавшая на том заседании, внутренне сжалась. Она не забыла, что карачи Абдул-Мумин единственный из всех членов дивана не поддавался на дипломатические уловки Шептяк-бека. Он с самого начала был против возведения на престол солтана Халиля и не скрывал своей неприязни к новому хану. Нурсолтан чувствовала, за его спиной незримой стеной вставали опасные соперники – вдовствующая ханум и солтан Ибрагим.

Эмир Абдул-Мумин, окинув присутствующих хитрым прищуром узких глаз, иронично произнёс:

– Мы забыли о главном, о почтеннейшие и мудрейшие сыны Земли Казанской. Мы отдаём хану Касиму вдовствующую ханум, потому что он является родным братом покойного хана. Но мы забыли, что хан Касим, как и хан Махмуд, – сын великого Улу-Мухамада. Когда-то, как младший сын, он вынужден был уступить казанский улус старшему брату и довольствоваться уделом, подаренным князем урусов, – голос эмира окреп. – Касим прожил в своём уделе двадцать лет, но от этого не перестал быть сыном хана Улу-Мухаммада, а значит претендентом на казанский трон. Если милосердный Аллах донесёт мои слова до ваших ушей, то услышьте меня!

В Малом Круглом зале, где традиционно заседал казанский диван, прокатился недовольный гул. Каждый из присутствующих пытался вставить своё слово, выражая возмущение. Спор становился всё более бурным, но стоило хану Халилю предложить кому-либо дать ответ дерзкому эмиру, как тут же воцарилась тишина. Казанские вельможи опускали головы под вопросительным взглядом молодого хана, никто не желал высказаться первым. Седобородый сеид отрешённо перебирал янтарные чётки, не поднимая глаз. Хан искал поддержки, но не находил её. Каждый

из знатных вельмож думал сейчас об одном: эмир Абдул-Мумин во многом прав. Хан Касим, получив в жёны Камал-ханум, может не удовлетвориться землями, предложенными ему казанским диваном. Он вправе заявить о своих претензиях на трон Казани, и в ханстве найдутся силы, которые поддержат его. А это приведёт к неизбежному расколу в стране, которая почти двадцать лет не знала внутренних разногласий, ведомая твёрдой рукой хана Махмуда. Насколько тверда рука молодого хана, избранного ими, не знал никто. Многие помнили о слабом здоровье Халиля, о его болезненных приступах и неуверенности в себе.

Нурсолтан беспомощно оглянулась в поисках Шептяк-бека. Тот, как всегда, неизменно примостился за спиной диванного писца. Взгляд старого дипломата, до того неподвижный и непроницаемый, при виде молящих глаз молодой ханум ожил. Шептяк-бек, привычно огладив ладонью рыжеватую бородку, поднялся со своего места:

– Аллах да не оставит вас, уважаемые и знатнейшие из вельмож, своею милостью! Позвольте же мне сказать. Вы решили отдать Камал-ханум в жёны хану Касиму, но ещё не пришёл ответ мещёрского господина, а уважаемый эмир Абдул-Мумин уже пугает вас претензиями хана, которых может и не быть. В одном он прав: хан Касим прожил в землях урусов более двадцати лет. Он ходил в походы с русским князем, он гостит при его дворе, он и думает, как урус. Зачем ему ханство, в котором совсем иные порядки? И зачем нам хан, привыкший поклоняться неверным? Если вы открыли для речей достойного эмира Абдул-Мумина одно ухо, то откройте второе – для моих скромных слов. Мы ждём вашего мудрого решения, высокочтимые вельможи.

Одобрительный гул пронёсся по залу. Слова Шептяк-бека, казалось, успокоили всех. Зачем думать о том, чего может и не произойти. Диван завершил своё заседание, и вельможи, гася в своей душе ненужные сомне-

ния, отправились по своим дворцам и поместьям. Один лишь Абдул-Мумин свернул с пути в его богатое имение. Он отправился в загородный дом, где эмира дожидались Камал-ханум и солтан Ибрагим. А из окна дворца за выездом строптивного эмира наблюдал Шептяк-бек. Не скрывая своей тревоги, он повернулся к царственным супругам, стоявшим за его спиной.

– Мы напрасно считали, что всё самое страшное позади. Сегодня эмир Абдул-Мумин показал, что мы многое упустили из виду. Мы боролись за трон с солтаном Ибрагимом и совсем забыли, мой хан, про вашего дядю.

– Но вы, Шептяк-бек, сказали, что хану Касиму не нужен чужой улус, – не отводя глаз от своего наставника, прошептал хан Халиль.

– Мои слова, господин, должны были успокоить вельмож, заседающих в диване, но не нас.

– Шептяк-бек прав, Халиль, – Нурсолтан дотронулась горячей ладонью до руки супруга. – Хан Касим едва ли откажется от претензий на ханство, которое больше и богаче его удела. А это значит, что у нас появится ещё один соперник. И хан Касим станет ещё опасней, когда его женой станет Камал-ханум. И тогда... Помогите нам, Всевышний!

Глава 2

Очередной приезд богатого каравана из Хорезма принёс Нурсолтан неожиданную радость. В подарок казанской ханум преподнесли кожаный сундук с книгами. Нурсолтан приказала ханским мастерам переделать одну из комнат женской половины под книгохранилище, она пока ещё не знала, что с этих первых книг начнётся её неумная тяга к великим рукописным творениям. Чтение увлекало ханум с необыкновенной силой, унося в мир мечтаний и грёз, в мир, где царила любовь, и двое влюблённых соединяли свои сердца, пусть даже у края могилы. Хан Халиль поддерживал её тягу к искусству. Казанский двор наполнился поэтами и певцами, сказителями

и мудрецами, среди которых нередко происходили состязания, длившиеся до ночи. В богословских беседах с хафизами и мудрецами молодой хан забывал о своих государственных обязанностях, тяготивших его. И, встречаясь с Нурсолтаном, он желал беседовать лишь о поэзии и возвышенных искусствах, забывая об опасности, нависающей над его головой. Придворным поэтам хан Халиль преподносил подарки один роскошнее другого. А когда Нурсолтан попыталась пожуричь его за расточительство, хан с улыбкой ответил:

– Прекрасная моя ханум, я не желаю остаться в сердцах своих поданных правителем, подобным солтану Махмуду Газнеvidу¹.

– Что же такого сделал этот солтан? – С удивлением переспросила Нурсолтан, которую всегда поражали обширные познания супруга в поэзии, истории и прочих науках.

– Присядь, Нурсолтан.

Халиль усадил жену напротив себя и передал ей роскошно оформленную книгу. На кожаной обложке, в узорах из драгоценных камней, красовалась арабская вязь.

– «Шах-наме»²? Я читала эту книгу, её написал бессмертный Фирдоуси.

– Всё верно, любимая, и он писал «Шах-наме» двадцать пять лет. А солтан Махмуд Газнеvid за эту вершину поэзии, которой восхищается не одно поколение мусульман, велел выдать поэту нищенскую плату. Когда Фирдоуси возмутился, солтан пригрозил затоптать его боевыми слонами. «Чего же ждать от потомка раба?» – сказал тогда бедный поэт, бежавший от произвола правителя в соседнее княжество. Его слова и стихи, в которых он высмеивал невежественного солтана, разлетелись среди простого народа. И народ стал смеяться над Махмудом Газнеvidом, прадед которого и в самом деле был рабом. В старости Фирдоуси вернулся

в свой родной город Тус и доживал там последние свои дни в полной нищете.

– Как же так, Халиль, и никто ему не помог?

– Таковы превратности судьбы, дорогая, поэт часто не имел на ужин чёрствой лепёшки, в то время, когда все восточные страны зачитывались его поэмой, а восхищённые люди заучивали целые главы наизусть. Но однажды уже состарившийся солтан Махмуд услышал прекрасные стихи, которые с упоением читал его придворный. В стихах воспевались мужество и сила храбрых воинов. Солтан спросил, кто автор этих великолепных стихов. И услышал в ответ, что это Фирдоуси, доживающий свои дни в нищете, вдали от столицы. Устыдился тогда солтан, и в тот же день отправил великому поэту в награду шестьдесят тысяч золотых монет. Но, как гласит предание, когда в одни ворота города Туса входил караван, везущий награду Фирдоуси, из других ворот выносили на погребальных носилках его тело. Великий поэт так и не дождался награды при жизни.

Глаза Нурсолтан горели, как две звезды, увлажнённые искрящимися слезинками, она протянула руки к Халилю, взяла его ладонь и тихо прошептала:

– Я читала слова, которые сказал Фирдоуси о своей поэме, ты помнишь их, Халиль?

– Да, – отвечал молодой хан. – Он говорил: «Я воздвиг своей поэмой высокий замок, который не сокрушат ни ветер, ни дождь. Годы протекут над этой книгой, и всякий умный будет её читать, я не умру, я буду жить, потому что посеял семья словесное...»

– О! Я не слышала слов более мудрых, мой господин. Он был провидцем, этот великий Фирдоуси! Но как много знаете вы! – С ещё большим восхищением добавила она.

Заражаясь вместе с ним атмосферой манящей поэзии, она окуналась в мир книг, которые преподносил ей хан. И уже поговаривала о всенародном состязании казанских поэтов, которое непременно следовало подготовить к празднеству Сабантуй.

¹ Махмуд Газнеvid – правитель Персии (Ирана), конец X – начало XI века.

² «Шах-наме» – «Книга царей».

В один из последних дней зимы Шептяк-бек вошёл к правящим супругам, полный решимости прервать идиллию, царившую в созданном ими мирке.

– Мой господин, завтра необходимо созвать диван, ибо нерешённые дела переполняют вашу страну, подобно лопающемуся торсуку¹.

Хан Халиль, занятый разглядыванием чертежей нового книгохранилища, которое он решил воздвигнуть в столице, с неохотой оторвался от этого увлекательного для него дела:

– Мы собирали диван месяц назад, уважаемый бек, и всё едва не окончилось сварой. Не хочу в очередной раз выслушивать нападки эмира Абдул-Мумина, он смущает сердца и мысли казанских карачи.

Краска бросилась в лицо старого дипломата, он с трудом сдержал резкие слова, уже рвавшиеся с его губ. Положение спасла молодая ханум. Она коснулась руки хана Халиля, привлекая к себе внимание, и тихим, но твёрдым голосом произнесла:

– Мой дорогой муж, мы должны прислушаться к словам уважаемого Шептяк-бека. Ещё никогда его советы не подводили нас.

Она поднялась, оправляя голубой шёлк одежд:

– Вы считаете, бек, что пора окончательно решить вопрос о замужестве Камал-ханум?

– Да, госпожа, время не терпит. От касимовского хана получено согласие на этот брак, и мы не должны медлить. Чем быстрее удалим вдовствующую ханум за пределы Казанского ханства, тем легче будет бороться с нашими внутренними врагами. Ханство подобно большому ребёнку, оно всё время требует забот и внимания, а хан уже несколько дней не разбирает прибывшие с гонцами бумаги. Я знаю, что в приёмной скопились бумаги, важные для государства и требующие безотлагательных решений.

– Это я виновата, уважаемый бек, – прервала возмущённый поток слов

старого дипломата Нурсолтан. – Я слишком увлеклась делами, которые могут подождать, и увлекла ими своего супруга. О, простите мне это безрассудство, мой хан!

Нурсолтан опустила на колени перед мужем. Она давно уже заметила, какое недовольство и гнев вызывают в Халиле слова Шептяк-бека. Но мудрый советник был прав. Она и сама замечала, Халиль избегает государственные дела, превращая Тронный зал в обитель поэтов и мудрецов. Он мог до хрипоты спорить о том, кто был наивеличайшим поэтом Востока, но не желал выслушать карачи Ахтям-Барына, ведающего сбором налогов в ханстве. Всё это можно было объяснить одним – страхом. Молодой хан боялся править уделом, доставшимся ему от отца, боялся сделать неправильные шаги, и оттого предпочитал не делать ничего.

–Уважаемый бек, не могли бы вы оставить нас наедине, – тихо промолвила Нурсолтан, по-прежнему не поднимая глаз на своего супруга.

Повисшая в комнате тишина говорила о том, что Халиль находится в замешательстве, и она решила удалить бека, пока из уст молодого хана не вырвались слова, в которых потом он мог раскаяться. Дверь за откланявшимся беком захлопнулась несколько громче, чем обычно, и молодая женщина невольно вздрогнула и вскинула свой взгляд.

– Халиль, всё, что говорил бек Шептяк – справедливо. Мы с вами уподобились детям, предоставленным своим играм и забавам. Разве для этого ваш отец боролся за ваше же наследие, чтобы сегодня вы уклонялись от государственных дел? Подумайте, мой господин, сколько наших врагов точат мечи своих языков, чтобы обвинить вас в неумении управлять ханством, в вашей несостоятельности. Я умоляю вас, не давайте им повода для этого, послушайте Шептяк-бека и сегодня же займитесь делами, которые ждут хана.

– Нурсолтан, – Халиль, как утопающий, ухватился за руки своей жены.

¹ Торсук – кожаный мешок для воды.

– Я понял, что не гожусь в правители. Отец напрасно надеялся на меня! Быть может, мне стоит отказаться от трона в пользу своего брата Ибрагима.

– О, нет! – Нурсолтан оттолкнула руки мужа от себя, взволнованно прошлась по комнате и прикрыла плотней дверь, боясь, что кто-нибудь услышит слова казанского правителя. – Вы не посмеете так поступить, Халиль! Трон принадлежит вам и только вам. Солтан Ибрагим подобен хищному зверю, поджидающему свою добычу. Если его допустить до власти, он может натворить немало бед, а если рядом с ним окажется и ханум Камал, то тогда... О всемогущий Аллах, спаси этот народ! Вы слышите, Халиль, вы не сделаете этого!

Нурсолтан осеклась, увидев глаза мужа, полные слёз.

– У меня слишком мало сил, Нурсолтан, – прошептал он. – Ибрагим прав, я недостоин быть правителем нашего народа. Я мечтаю пожить в покое, рядом с тобой, вместе читать строки бессмертного Хайяма, Низами...

– Я сейчас же приглашу бека Шептяка, – Нурсолтан не позволила себе кинуться к хану, чтобы утешить его подобно малому дитя. – Вспомни первые месяцы твоего правления. У тебя всё получалось, и я очень гордилась тобой! Неужели тебя так напугал эмир Абдул-Мумин? Но он силен, пока рядом с нами во дворце затаилась эта ведьма Камал-ханум. Стоит только удалить её, и мы усмирим бунтаря, поверь мне, Халиль! А пока ты не должен показывать своего страха перед ним, никто не должен видеть твоего страха, даже я, мой дорогой!

Она с облегчением заметила, как высохла влажная оболочка, покрывавшая глаза Халиля. Молодой хан поднялся с широкого стула, отодвинув от себя чертежи книгохранилища.

– Мы займёмся этим немного позже, когда пройдёт заседание, – он с вопросительной осторожностью заглянул в лицо жены. – А что мне делать сейчас?

Нурсолтан, мягко улыбнувшись, взяла хана за руку.

– Мы пойдём в вашу приёмную, светлейший хан, и разберём послания. Иногда подобные дела бывают гораздо увлекательней состязания певцов и поэтов. И я докажу вам это, мой господин.

Весна ворвалась в Казанское ханство разливом мощных рек и озёр, затопила прибрежные луга и дороги. Но люди, поднимая радостные лица к необъятной синеве небес, знали: вода скоро уйдёт, и настанет пора сева. Чёрный люд, проживавший на обширных землях ханства, томился предчувствием горячей, но счастливой для каждого земледельца, поры. Вот-вот настанет оно, долгожданное время, о котором мечталось долгими зимними вечерами. Чёрная земля, напитанная весенними водами, духмяная, жирная раскинется перед кешелером¹ как желанная женщина. Возьми её, вложи в её лоно семена жизни, и она щедро одарит тебя урожаем, с которым доживёт твоя семья до следующей весны, до следующего урожая.

Во дворце хана шли приготовления к отъезду ханум Камал в Касимов. На женской половине целый день не утихал властный голос вдовствующей госпожи, отдающей приказы своим рабыням и евнухам. Как доносили ханум Нурсолтан, изредка госпожа Камал прикладывала к глазам платок и принималась плакать, уверяя всех окружающих, что она глубоко несчастна. Но стоило ей заметить малейшие недостатки в сборах, как она тут же, забыв о слезах, накидывалась с бранью на провинившихся прислужниц. Нурсолтан улыбалась, живо представляя картину, нарисованную искусными рассказчиками. И всё же Камал-ханум уезжала из Казани. Уезжала, увозя с собой беспокойство, царившее в ханстве, беспокойство, семена которого посеяла вдова хана Махмуда. Эмир Абдул-Мумин затаился в своём пригородном имении, не появляясь даже на заседаниях дивана, которые неизменно проводи-

¹ Кешелер – земледелец, зависимый крестьянин.

лись теперь под покровительством хана Халилия. Шептяк-бек мог вздохнуть свободно, молодой хан сумел взять себя в руки, и, как замечали карачи, неплохо справлялся с управлением ханством. Жизнь шла своим чередом, пробуждая в душах и сердцах людей необыкновенную тягу к жизни, тягу, рождённую волшебной силой весны. Кто мог знать, что несчастье уже нависло чёрным крылом над ханским домом. Смерть не удовлетворялась жертвой, ханом Махмудом, забранным холодной зимой, она готовилась нанести новый жестокий удар, чтобы омрачить бесхитростную радость людей, напомнить: вы все смертны, и смерть может прийти за вами тогда, когда так хочется жить.

Глава 3

После отъезда ханум Камал жизнь во дворце преобразилась. Хан Халиль был необычайно деятелен, полон новых планов. И нередко Нурсолтан с улыбкой приходилось останавливать его безудержную фантазию. Оппозиция, казалось, навсегда ушла в тень, не омрачая своим присутствием ханский дворец. По заказу хана началась постройка большого книгохранилища; на городском базаре Ташаяк достраивались новые ряды. От торговых караванов, идущих с разных концов света, не было отбоя. Купцы устремляли свои взоры на благодатные земли, более двадцати лет не знавшие войны и процветающие в мирном земледелии и торговле. Ханская казна пополнялась новыми поступлениями от именитых купцов, и главный казначей неизменно отмечал это на заседаниях дивана.

Этим необычайно тёплым весенним вечером в приёмной хана было шумно и многолюдно. Битикчи¹ Осман-бей, подоткнув под свёрнутые калачиком ноги маленькие подушечки, усердно рас-

кладывал перед собой вороха грамот, с болтавшимися по краям сломанными восковыми печатями. Младшие писцы, помогавшие ему, шуршали жёсткими свитками бумаг и шикали друг на друга, внося в рабочую атмосферу приёмной ещё больше шума. В углу Шептяк-бек спорил с бакши² Танатаром, прислужницы разносили фарфоровые чашечки дымящегося кофе, к которому недавно пристрастился молодой хан. Нурсолтан пыталась старательно избегать взгляда солтана Ибрагима, приглашённого на этот маленький совет ханом Халилем. Казанский хан всё чаще стал привечать младшего брата, и свою неожиданную привязанность к Ибрагиму не объяснял никак.

Уже десятый день не спадало напряжение, царившее в ханском дворце. В Казань, как только установились водные и сухопутные пути, одно за другим стали прибывать посольства иноземных государств. Князья и ханы соседних земель и стран, с которыми Казанское ханство издавна вело обширную торговлю, желали знать, как повлияет перемена власти в Казани на их проверенные временем отношения. Будет ли молодой хан придерживаться политики своего отца или последуют перемены, о которых желали знать пославшие посольства государи. Послы принимались каждый день, но накал напряжения не спадал. На завтра был назначен приём посольства от русского князя Ивана III, и к нему следовало отнестись с особым вниманием и осторожностью. Русские земли на обширной территории граничили с землями Казанского ханства. Ещё со времён Улу-Мухаммада они являлись данниками ханства, что совсем не означало, что с русскими следовало поступать как со своими рабами. Княжество Ивана III ширилось и крепло, и со временем мирные соседские отношения могли принять иной оборот.

Этим вечером в приёмной хана Халилия шла подготовка к приёму русских послов. Битикчи, как лицо, облачённое

¹ Битикчи – писец при ханском диване, исполняющий обязанности госсекретаря и обладающий значительной властью в ханстве.

² Бакши – посол.

особой властью, испросил согласие хана говорить. Он с торжественностью обвёл взглядом всех присутствующих, призывая их к вниманию.

– От моих людей мне стало известно, с чем приехали урусы на этот раз. Они просят расширить торговые пути и позволить присылать в Казань больше торговых людей. Через наши земли, как и прежде, они желают держать путь в Ногаи, а оттуда в другие благословенные земли и города. Дабы наш государь взглянул благосклонно на их просьбу, урусы привезли богатые дары и дань за прошлый год. Не следовало бы, мой господин, позволять всего испрошенного князю Ивану. Все его купцы – соглядатаи и доносчики, если их число увеличится, у начальника тайных дел Лачин-бека не хватит людей, чтобы следить за ними.

– Чем может повредить нашему ханству горстка купцов? Вы, как всегда, уважаемый Осман-бей, пытаетесь нагнать страху там, где его не может и быть!

Хан оттолкнул чашечку с горячим кофе, расплескав её содержимое на круглый столик, выточенный из рыбьего зуба¹. Нурсолтан и все присутствующие заметили: у казанского господина был нездоровый и усталый вид, и сейчас он с трудом пытался сосредоточиться на неотложных делах:

– Урусы всегда были исправными данниками с тех пор, как мой дед пленил отца нынешнего великого князя. Нам незачем выражать своё недовольство государю, который все эти годы был для нас добрым соседом и исправно платил долги отца. К тому же товары, которые привозят урусы, пользуются большим спросом на наших базарах и ярмарках.

– Всё это так, мой дорогой брат, – осторожно вступил в разговор солтан Ибрагим. – Но великий князь Иван с каждым годом становится всё опасней. Он расширяет свои земли, копит силу. Вам

известно, что недавно он присоединил к своим землям богатый удел одного из князей², а год назад ходил в Югорские Земли и брал с них дань. Не кажется ли вам, мой хан, что великий князь подбигается к нашим землям с юга.

– Каждый волен расширять свои владения. В наших интересах не допустить, чтобы урусы затронули земли правоверных мусульман, что касается земель неверных, я не вижу причин опасаться.

Халиль перевёл взгляд с брата на жену, молчавшую всё это время.

– Что скажете вы, ханум?

– Я согласна с вами, мой хан, очень мудро не нарушать добрососедских отношений, к тому же процветание торговли только прибавляет богатства нашему ханству. – Нурсолтан на секунду осеклась, поймав насмешливый взгляд солтана Ибрагима, но нашла в себе силы, не меняя голоса, продолжить разговор. – Вам следует, мой господин, выслушать бакши Танатара. Он много раз бывал послом в русской столице Москве и не один раз видел князя Ивана.

Как только почтенный бакши с ловкостью молодца раскланялся перед ханом и продолжил разговор, Нурсолтан позволила своим мыслям отвлечься от всего происходящего в приёмной. Она не беспокоилась за речь бакши Танатара, давний друг бека Шептыка полностью поддерживал мирные отношения с урусами, беспокоил её только солтан Ибрагим. Он напоминал ей молодого коршуна, высматривающего добычу. За час до заседания в приёмной хана он встретил Нурсолтан в Тронном зале, где она следила за приготовлениями к приёму русских послов. Ибрагим вошёл в зал в тот момент, когда она отдавала распоряжение управителю дворца поразить послов необыкновенной роскошью. Нурсолтан услышала смех за спиной и резко обернулась, едва не натолкнувшись на солтана.

¹ Рыбий зуб – по некоторым данным так назывались останки мамонтов, которые казанцы находили по берегам рек. Московские купцы привозили на торг моржовые клыки, которые также назывались рыбьим зубом.

² Здесь речь идёт о Ярославском княжестве, присоединённом Иваном III к Московскому великому княжеству.

– Моя ханум, я вижу, вы желаете ослепить неверных блеском золота и драгоценных камней. Вы желаете показать, как велик и могуществен новый хан, но забываете и о другой стороне!

– О какой же? – сухо спросила она, стараясь не показывать перед Ибрагимом своего замешательства, которое она всегда испытывала в его присутствии.

– Уруссы, увидев, какие богатства таит ханский дворец, могут пожелать захватить его!

– Что за странные выдумки приходят вам на ум, солтан? С уруссами заключён мир, который длится больше двадцати лет, и вам это известно.

Нурсолтан, стремясь избежать неприятного для неё общества, шагнула к дверям, ведущим на женскую половину, но могучая фигура солтана Ибрагима перегородила ей путь.

– Ханум, я не окончил наш разговор.

Она, удивлённая его дерзостью, резко вскинула голову, зазвенев золотыми монетками, украшавшими высокий калфак.

– Что вы от меня хотите, солтан?

– Я пытаюсь убедить вас, прекрасная пери, что на завтрашнем приёме хан должен показать уруссам мощь и силу своего ханства. Он должен указать, что великий князь Иван является всего лишь данником Казани и не может просить ни о каких милостях у нашего хана. И я прошу вас внушить всё это хану Халилю, ведь только этим вы и занимаетесь, сладкоречивая ханум, что диктуете моему братцу, как править государством!

Нурсолтан вспыхнула, как порох. Она всегда отличилась благоразумием и умела держать себя в руках, но младший брат Халилия умел находить в ней уязвимые места, и всякий раз при их встрече вызывал неудержимый гнев в молодой женщине.

– Солтан Ибрагим, вашим оскорблениям не счесть числа! Я удивлена желанием своего супруга приближать вас к ханскому трону. Хан порой бывает слеп, когда выбирает себе недостойных дру-

зей! Но никто, даже сам хан, не заставит меня терпеть ваше присутствие и слушать ваши речи, пропитанные ядом и желчью!

Выплеснув ярость и обиду в лицо ухмыляющегося солтана, она бросилась к спасительным дверям, но её слух уловил брошенные вослед слова Ибрагима:

– Вы ещё убедитесь, кто правит нашим ханством, когда услышите речи моего брата. Они будут слово в слово повторять ваши мысли, моя ханум!

О, как прав был Ибрагим: речи хану она писала сама, не доверяя этого важного дела кятибам¹. Ханские писцы и дипломаты довольствовались поучениями мудрецов, используя при составлении речей правителя известные книги саджей². Нурсолтан же обращалась к речам мудрых, чтобы почерпнуть в них вдохновение. Оттого речи, составленные ею, были столь неподражаемы, столь необычны и непредсказуемы для соперников.

Сегодня на заседании дивана с губ солтана Ибрагима, слушавшего речь хана, не сходила уничижающая насмешка. Хан Халиль твёрдо держался позиции Нурсолтан и бека Шептяка, несмотря на то, что брат, к которому он последнее время благоволил, пытался переменить его мнение. Нурсолтан словно кольнуло в сердце: «А может, солтан Ибрагим прав, они навязывают Халилю свои мысли, свою волю, не позволяя ему внимательней прислушаться к другой стороне. Они подавляют в нём все наклонности правителя, и должно быть только поэтому Халиль предпочитает заниматься поэзией, потому что там он свободен!»

Она вновь взглянула на Халилия. Молодой хан выслушивал бакши Танатара с равнодушным видом, изредка он кивал головой, показывая, что полностью

¹ Кятибы (катибы) – писцы, секретари, государственные чиновники.

² Садж – букв., воркование, рифмованная проза. В этом стиле писались все речи и проповеди правителей. Существовало несколько известных книг саджей, составленных арабскими писателями.

согласен с доводами дипломата. Нурсолтан вновь поймала себя на странной мысли: «Слышит ли он его, или дух Халиля бродит совсем в других местах, неведомых и недоступных для нас». Она неслышно поднялась со своего места и подошла к окну. За приоткрытыми ставнями разливалась ночь, у ворот раздавались окрики караульных. «Надо дать хану поспать лишний час, – подумала она. – У него очень утомлённый вид. Я отдам распоряжение, как только мы выйдем отсюда». Она и сама чувствовала нечеловеческую усталость и впервые с раздражением взглянула на взявшего слово бека Шептыка: «Когда же закончатся эти бесконечные словопрения, как много любят говорить старики!»

Совет закончился далеко за полночь, но ханум нашла в себе силы предупредить управителя дворца не беспокоить хана утром, пока не поступит приказ от неё.

– Я пойду в свои покои, мой дорогой, – сказала она хану. – Нам обоим следует выспаться и отдохнуть.

Халиль взглянул на неё утомлён-

ными покрасневшими глазами и вдруг печально произнёс:

– Ах, Нурсолтан, как бы мне хотелось, чтобы у нас был маленький домик в лесу. И мы жили бы с тобой вдвоём в тиши больших деревьев.

– Ты просто устал, Халиль, – она ласково провела ладонью по его лицу. – Как только закончатся приёмы послов, мы уедем в загородное имение и там отдохнём. А теперь спи.

Она неслышно коснулась губами его щеки, но хан уже ничего ей не ответил. Он заснул.

А наутро во дворец пришла Та, что разрушает дворцы и населяет могилы. Слуги, вошедшие в ханские покои, нашли молодого господина скорчившимся у подножья своего роскошного ложа. Табиб, осмотревший хана, пришёл к мнению, что молодого господина убил приступ падучей болезни, неожиданно подкравшийся в ночной тиши уснувшего дворца. Никто не пришёл к нему на помощь, и хан Халиль окончил свои дни, по воле Аллаха продержавшись на троне Казани меньше четырёх месяцев.

Нурсолтан – Гаухаршад – Сююмбика – Ольга

интервью вместо послесловия

Странный, казалось бы, заголовок нашего интервью. Но ничего странного в нём нет. Это имена правительниц Казанского ханства – *Нурсолтан*, *Гаухаршад*, *Сююмбика*, о которых в своей трилогии «Повелительницы Казани» рассказала писатель Ольга по фамилии Иванова. Краткое содержание романов трилогии – в конце нашей подборки, а здесь, вместо послесловия, мы предлагаем интервью с романистом

– **Ольга, когда и как пришла идея написания исторической трилогии?**

– Пожалуй, к этому меня подтолкнула любовь. Да, именно, любовь к истории и литературе. Со школьной скамьи я страстно любила эти два предмета, учебники перечитывала ещё летом до начала учебного года. А с учителем по истории могла вести дискуссию полурока, пока она не спохватывалась и не говорила: «Садись, мне ещё других нужно опросить».